

ММ@

Содержание

- 4** Об организации миссионерской работы
в Русской Православной Церкви
- 8** Миссионерская экспедиция
вдоль северных границ России
- 17** У северянина нет сомнения, что Бог есть!
- 27** Дневник камчатского миссионера
- 37** Романтика и свобода,
или Как преуспеть в чукотском миссионерстве
- 43** Само воспитание миссионера –
дело миссионерское

Об организации миссионерской работы в Русской Православной Церкви

Документ утвержден определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 декабря 2011 года (журнал № 152).

Миссия – проповедь Евангелия для обращения людей ко Христу – неотъемлемая часть служения Святой Соборной и Апостольской Церкви, пастырям и чадам которой Господь Иисус заповедал: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15). Церковь именуется Апостольской не только потому, что она утверждена на основании Апостолов (Еф. 2:20) но и потому, что через нее проповедь святых апостолов продолжается до сего дня.

Свидетельство веры вне церковной ограды составляет одну из главных обязанностей всех христиан, во исполнение заповеди Господней: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча соблюдать их все, что Я повелел Вам» (Мф. 28: 19-20).

Православная миссия имеет целью приведение человека к вере Христовой, приобщение его к православному образу жизни, передачу ему опыта богообщения и вовле-

чение его в таинственную жизнь евхаристической общины.

I

Миссионерская деятельность в Русской Православной Церкви имеет свою структуру и осуществляется на следующих четырех уровнях:

Общецерковный уровень

На общецерковном уровне за организацию и осуществление миссионерской деятельности отвечает Синодальный миссионерский отдел. В задачи Отдела входит:

исследование миссионерского поля на канонической территории Русской Православной Церкви;

разработка общецерковных миссионерских программ и координация их осуществления;

подготовка методических материалов по отдельным направлениям миссионерской деятельности с учетом региональных особенностей и распространение этих материалов в епархиях;

оказание помощи епархиям Русской Православной Церкви в организации и деятельности миссионерских станций, направлении священнослужителей-миссионеров и студентов духовных школ для служения в них по согласованию с епархиальными Преосвященными и Учебным комитетом;

мониторинг и анализ деятельности на канонической территории Московского Патриархата сектантских и раскольнических образований; публикация соответствующих миссионерских материалов;

совместно с Учебным комитетом – подготовка в духовных школах миссионерских кадров Русской Православной Церкви и проведение регулярных семинаров преподавателей миссиологии;

создание методик и учебных пособий для проведения на епархиальном, благочинническом и приходском уровнях занятий по подготовке активных мирян к миссионерскому служению;

издание миссионерской литературы;

обмен опытом с зарубежными православными миссионерскими организациями, анализ миссионерского опыта других конфессий;

организация и проведение всецерковных миссионерских съездов, конференций и семинаров;

проведение общецерковных целевых финансовых сборов на миссионерскую деятельность;

совместно с Синодальным информационным отделом и Синодальным отделом по взаимоотношениям Церкви и общества – поддержка миссионерской работы Церкви через информационную деятельность и контакты с общественными объединениями;

во взаимодействии с Синодальным информационным отделом – сотрудничество со средствами массовой информации в целях предоставления им материалов, имеющих миссионерскую ценность, и организации программ с участием духовенства и миссионеров;

совместно с Синодальной комиссией по делам монастырей – содействие монашеским обителям в организации их миссионерской деятельности;

осуществление контроля за реализацией определений Поместных и Архиерейских Соборов, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси и Священного Синода в области миссионерского служения.

Епархиальный уровень

Общее руководство миссионерской деятельностью осуществляет епархиальный архиерей. Для организации соответствующей работы в епархии действует профильный епархиальный отдел или, там где таковой создать невозможно, – профильный ответственный епархиальный сотрудник, которые в своей работе руководствуются общецерковными нормативными документами, указаниями епархиального архиерея, рекомендациями Синодального миссионерского отдела.

Зарплаты сотрудников, организационные расходы, программы и мероприятия профильного епархиального отдела оплачиваются из бюджета епархии и привлеченных средств.

В задачи профильного епархиального отдела (ответственного епархиального сотрудника) входит:

координация всей миссионерской работы в епархии во взаимодействии с Синодальным миссионерским отделом;

распространение методических и информационных материалов, подготовленных или одобренных Синодальным миссионерским

отделом и предназначенных для обучения различным видам миссионерской работы;

определение направлений и приоритетов миссионерской деятельности благочиний и приходов;

по представлению благочинных – определение меры участия приходов в миссионерской деятельности, исходя из их местоположения, количества прихожан, уровня их воцерковленности и материального достатка, а также наличия раскольнических и сектантских угроз;

проведение обучающих семинаров по организации миссионерской работы, а также курсов подготовки приходских миссионеров;

размещение миссионерских материалов в СМИ, на улицах городов и общественных местах;

проведение миссионерской работы в учебных заведениях, на предприятиях и в рамках общественных объединений;

создание оперативно обновляющегося сайта отдела;

создание базы данных о действующих на территории епархии раскольнических и сектантских образованиях, своевременный мониторинг их деятельности;

содействие укреплению материальной базы епархиальных, благочиннических, приходских и монастырских миссионерских программ за счет церковных и привлеченных средств;

ходатайство перед епархиальным архиереем о поощрении лиц, ведущих активную миссионерскую работу;

проведение епархиальных целевых финансовых сборов на миссионерскую деятельность;

привлечение учащихся духовных учебных заведений к миссионерской работе;

координация миссионерской работы действующих в епархии братств и сестричеств.

Благочиннический уровень

На уровне благочиния общая организация, координация и контроль миссионерской работы ведутся под руководством благочинного. Непосредственное осуществление этой работы должно быть возложено на штатного ответственного за миссионерскую работу в благочинии. Ответственный за миссионерскую работу в благочинии назначается на должность и освобождается

от должности епархиальным архиереем по представлению благочинного, согласованному с председателем миссионерского отдела епархии. Ответственный за миссионерскую работу в благочинии зачисляется в штат одного из приходов благочиния с окладом согласно штатному расписанию. Ответственный за миссионерскую работу в благочинии подчиняется благочинному и согласовывает свою деятельность с председателем профильного епархиального отдела (профильным ответственным епархиальным сотрудником). Благочинный имеет попечение о привлечении средств для проведения профильных программ и мероприятий в благочинии.

В обязанности ответственного за миссионерскую работу в благочинии входит:

исследование миссионерского поля благочиния, выработка главных направлений миссионерского служения;

содействие межприходскому сотрудничеству в миссионерской работе;

планирование, координация и контроль миссионерской деятельности приходов;

изучение и анализ приходских отчетов в части, отражающей миссионерскую деятельность;

составление проекта отчета благочиния по миссионерской работе, который утверждается благочинным и направляется правящему архиерею;

регулярно повышает квалификацию, в частности на епархиальных курсах повышения квалификации.

Приходской уровень

На приходском уровне общая организация, координация и контроль миссионерской работы находятся в компетенции настоятеля. Непосредственное осуществление этой работы должно быть возложено на штатного приходского миссионера, в тех приходах, где есть возможность создать такую должность. Решение об освобождении прихода от необходимости иметь данную штатную единицу принимает благочинный по представлению настоятеля с последующим докладом епархиальному архиерею. Такое решение может быть принято в отношении малочисленных приходов, в первую очередь находящихся в сельской местности и малых городах.

Приходской миссионер назначается на должность и освобождается от должности

настоятелем, зачисляется в штат прихода с окладом согласно штатному расписанию, подчиняется настоятелю и согласовывает свою деятельность с председателем профильного епархиального отдела (профильным ответственным епархиальным сотрудником) и с ответственным за миссионерскую работу в благочинии.

Приходской миссионер:

формирует группу прихожан, способных вести миссионерскую деятельность, и организует их обучение основам православной веры и методам миссии;

при поддержке настоятеля прихода заботится о финансовом обеспечении приходских миссионерских инициатив;

составляет годовой план работы и годовой отчет о деятельности, утверждает их у настоятеля и предоставляет ответственному за миссионерскую работу в благочинии;

регулярно повышает квалификацию, в частности на епархиальных курсах повышения квалификации.

Приходской миссионер обязан твердо знать основы православного вероучения и уметь «дать ответ всякому вопрошающему» (1 Пет. 3: 15).

В рамках миссионерской работы на приходе могут осуществляться следующие виды деятельности:

ведение просветительских бесед с прихожанами в храм;

консультирование сотрудников храма, имеющих постоянный контакт с прихожанами – работниками свечного ящика, дежурными;

миссионерские акции в находящемся в пределах прихода образовательных, молодежных, социальных, культурных и иных подобных учреждениях;

мониторинг в границах прихода раскольнической, сектантской, оккультной и атеистической деятельности, противодействие ей, ограждение людей от ее пагубного влияния;

привлечение мирян к активной церковной работе посредством выполнения конкретных миссионерских поручений, в том числе участия в миссионерских экспедициях, работы по подготовке желающих принять Крещение, дежурства в храме, участия в дискуссиях в интернете, теле- и радиопередачах;

распространение просветительских листов, литературы и видеофильмов духовно-просветительского содержания среди невоцерковленных людей;

взаимодействие с образовательными и культурными учреждениями для осуществления совместных проектов в миссионерских целях.

II

Миссионерские общества

Миссионерские общества (движения, братства, сестричества или центры) – объединения клириков и мирян одной или нескольких епархий, создаваемые для участия в миссионерском служении Церкви и для его поддержки. В своей деятельности они призваны руководствоваться определениями священноначалия.

Устав миссионерского общества, а также его глава утверждаются председателем Синодального миссионерского отдела по согласованию с епархиальными архиереями тех епархий, где по Уставу будет действовать общество. В тех случаях, когда общество призвано действовать в пределах одной епархии устав и глава общества утверждаются епархиальным архиереем.

Ежегодный отчет о своей деятельности миссионерские общества направляют епархиальным архиереям и председателю Синодального миссионерского отдела. Мероприятия, проводимые миссионерскими обществами на территории той или иной епархии, проводятся по согласованию с епархиальным архиереем.

* * *

Задача проповеди учения Господа Иисуса Христа, составляя одну из главнейших в церковном служении, остается неизменной во все времена, подобно тому, как неизменен Подвигположник нашего Спасения, Который «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8). И потому не только штатные сотрудники миссионерских структур, но и все православные христиане призваны к участию в этом богозаповеданном деле, памятуя слова Священного Писания: Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:4).

Миссионерская экспедиция вдоль северных границ России

Об экспедиции рассказывает ее участник и организатор протоиерей Димитрий Лукьянов, настоятель прихода Покровского храма села Новая Таволжанка Шебекинского округа Белгородской и Старооскольской епархии.

Все началось с того, что, по благословению приснопамятного Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и председателя Синодального миссионерского отдела, архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна, был организован крестный ход вокруг России в 2008 году на гребном парусном судне «Русь Святая». Организатором стал заслуженный мореплаватель России Георгий Николаевич Карпенко. Во время этого крестного хода у нас возникло желание, чтобы он

был не «единичным мероприятием», но имел продолжение. У нас тогда возникла идея совершать такие миссионерские экспедиции на научно-исследовательском судне «Михаил Сомов», принадлежащем Северному управлению метеослужбы. Оно регулярно совершает рейсы в Арктику, чтобы снабдить полярные поселки и метеостанции продуктами, горюче-смазочными материалами, чтобы вывезти туда научно-исследовательские экспедиции. Такие рейсы совершаются ежегодно примерно в

одно и то же время – летом, в период навигации. В прошлом году состоялась первая миссионерская экспедиция с моим участием на «Михаиле Сомове», в этом году – вторая. Была более качественная подготовка, потому что учтены те вопросы, которые возникали в прошлом году. Была оказана финансовая поддержка: средства от благотворителей и «грантовые» деньги, которые были выделены Фондом преподобного Серафима Саровского. Большую помощь также оказал фонд компании «Российские железные дороги» «Транссоюз». На выделенные средства была приобретена духовно-нравственная литература, которая доставлялась в библиотеки полярных поселков. Все первоклассники этого года получили комплекты высокохудожественных книг, выпущенных издательством «Никея», издательским домом «Фома». В комплекты входила художественная и духовно-нравственная литература. Ее получили администрации, библиотеки полярных поселков и станций. Духовное окормление осуществлялось в форме совершения Божественной литургии, крещения, молебнов, других таинств и обрядов. Кроме духовной, оказывалась

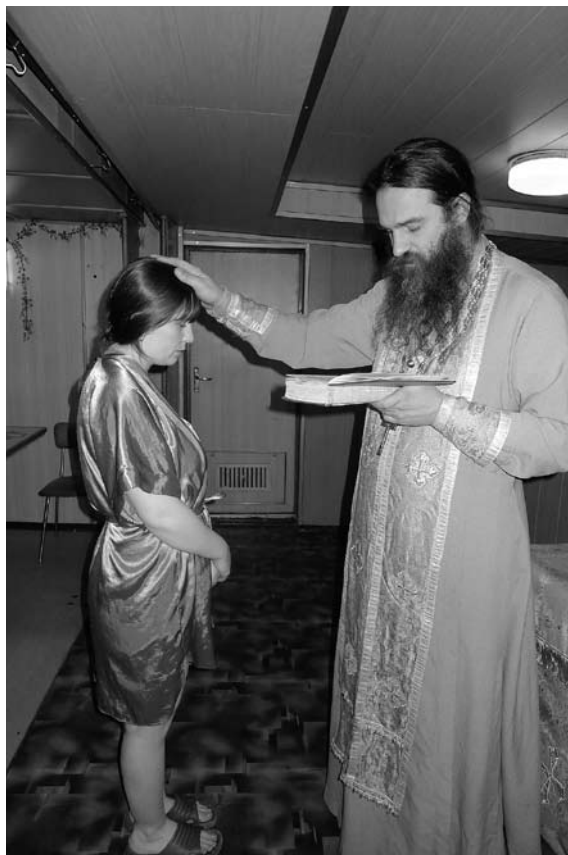
и социальная помощь. Она выражалась в том, что на деньги, выделенные фондом «Транссоюз», было приобретено современное зубоорудование, лекарственные средства, пломбировочные материалы и на «Михаиле Сомове» оказывалась безвозмездная медицинская помощь всем, кто в ней нуждался. А это – практически, все полярники. Ведь там дистиллированная вода «оставляет желать лучшего», а это сказывается на состоянии зубов. Более 400 человек, среди которых – и жители полярных поселков, сотрудники метеостанций, и участники экспедиции, получили зубоорудование. На корабле был квалифицированный врач – прихожанка нашего храма (Покровского храма с. Новая Таволжанка Шебекинского района Белгородской области) Татьяна Викторовна Конева. В течение всей экспедиции она оказывала людям не только медицинскую, но и духовную помощь, так как является глубоко верующей. Кроме того, всем полярникам, в течение года лишенным «живой» связи с домом, так как нет обычных средств связи, предоставлялась возможность пообщаться с семьями через средства спутниковой связи.

Спутниковый телефон был приобретен на «грантовые» деньги. Это также вызывало живую благодарность полярников.

Кроме того, мы участвовали в общественной жизни судна, помогали в создании музея на борту «Михаила Сомова». Принимали активное участие в различных экспедициях геологов, биологов, живо с ними общались, отвечали на задаваемые во время лекций вопросы. Ученые были очень удивлены тем, что вызывают живой

интерес священнослужителя к их работе. Многие из них в такой обстановке до этого не общались со священником. Это также играло свою роль в миссионерском плане.

См. на фото: – на острове Чамп (стр. 8),
 – Божественная литургия на судне «Михаил Сомов» (стр. 9),
 – такие шарообразные валуны обнаружены только на острове Чамп архипелага Земля Франца-Иосифа (стр. 10, слева),
 – Крещение на судне (стр. 10, справа),
 – Преображение Господне празднуем на корабле (слева),
 – в зубоврачебном кабинете судна «Михаил Сомов» оказывают помощь полярникам (справа),
 – Земля Франца-Иосифа. Молебен перед началом всякого доброго дела на острове Грезм-Белл.

См. на фото: – привезли посылки (стр. 12, наверху),
 – у храма Святителя Николая на заставе Нагурское
 острова Земля Александры архипелага Земля Франца-
 Иосифа, (стр. 12, внизу),
 – Тикси. Книги для отца Агафангела доставлены
 (наверху),
 – на острове Визе в Карском море,
 – моржи на Новой Земле.

В воскресные и праздничные дни совершались Божественные литургии и молебны. Храма там пока нет. И литургии совершались на переносном антиминсе. По четвергам совершались молебны с акафистом Святителю Николаю – покрови-

телю моряков и путешественников. В вечернее время, после ужина, проводились беседы по «громкой связи»: давались ответы на заданные в течение дня вопросы, объяснение Символа веры, читались избранные тексты из Священного Писания. Команда к этому привыкла, и бывало, что когда я отсутствовал на корабле, беседы проводила Татьяна Викторовна. На всех полярных станциях совершались освящения, молебны, освящалось основание новых станций. Мы также принимали активное участие в акциях Полярного фонда

по «чистке» Арктики от ржавых бочек, другого металлолома и мусора и, например, на острове Врангеля на Чукотке, и на Земле Франца-Иосифа.

В течение этого рейса были не только радостные, но и скорбные минуты. Бывало, что у кого-то из команды экспедиции умирал кто-то из родных, близких. Совершались панихиды. Был случай, когда пришлось забирать останки полярника, которого мы хорошо знали. Его на полярной станции загрыз медведь.

Ежегодно в середине июля судно «Михаил Сомов» выходит из порта г. Архангельска и посещает все полярные поселки и станции. Среди них – Амдерма, Варандей, Усть-Кара, Тикси, Певек. Продолжительность экспедиции зависит от разных условий. В этом году экспедиция продолжалась 102 дня: с 16 июля по 29 октября. Таким образом, если считать вместе с гребным па-

русным судном «Русь Святая», в этом году состоялась уже третья миссионерская экспедиция в Арктику. Численность участников периодически меняется. В этом году на корабле находилось 40 членов экипажа, 30 полярников, возвращающихся на станции из отпусков, и 120 – участников разных научных экспедиций, среди участников которых – российские ученые, а также представители Федеративной Республики Германии, Швеции, Италии.

В ходе экспедиции мы не только узнали много нового о российском Севере, но и оказали людям духовную и материальную помощь. Люди живо почувствовали, что они нам нужны, они не оставлены Православной Церковью. Надеемся, что, с Божией помощью, такие миссионерские экспедиции будут продолжаться.

– Отец Димитрий, расскажите, пожалуйста, что Вас подвигло на осуществление столь необычного миссионерского служения: покорять просторы Русского Севера и сердца «полярных» людей?

– Все началось через детей, как это ни парадоксально звучит. Мы для своей воскресной школы проводим встречи с интересными людьми, и вот как-то мы нашли телефон знаменитого путешественника Георгия Карпенко – яхтенного капитана, организатора и участника 2-х автономных походов на Северный полюс. Позвонили ему, пригласили. Он с удовольствием приехал. Рассказывал о своих походах, плаваниях. Ну и конечно поделился планами на будущее: совершение крестного хода вокруг России, начиная с Архангельска на парусно-гребной лодке без мотора по Северному морскому пути до Владивостока, затем сухопутную часть на автомобиле с завершением в Архангельске. В его планах число участников не должно было превышать 2-х человек: он сам и его друг Андрей Деев, но когда он пошел за благословением на это богоугодное дело к старцу, старец сказал, что в крестном ходе должен участвовать священник.

Георгий позвонил мне, предложил участвовать. Я, спросив разрешения у супруги, взяв благословение у нашего пра-

вящего архиерея, стал участником этого богоугодного предприятия. За время крестного хода было много встреч, общений, мы совершали крещение, служили Божественную литургию там, где не ступала нога православного священника. Когда крестный ход завершился, не хотелось, чтобы он стал единичным миссионерским проектом, хотелось развития этого дела. Владыка Вениамин Владивостокский и Приморский при встрече мне говорил об ответственности и дальнейшем участии в жизни людей, которые приняли Крещение, и с которыми мы общались. И эта мысль не давала покоя: «Как сделать эти поездки регулярными? – На лодке это не очень продуктивно».

За время следования нашей лодки мы неоднократно встречали научно-экспеди-

ционное судно «Михаил Сомов». Судно регулярно совершает рейсы в арктические районы страны, заходит в отдалённые посёлки, является плавучей базой для многих научных экспедиций. И вот родилась идея использовать это судно для миссионерских экспедиций. На письмо, поданное в Северное управление метеослужбы с просьбой о размещении на бор-

ту судна священника, был ответ отрицательный, пришлось ехать в Архангельск и объяснять важность этого дела. Разрешение было получено. Теперь мы были не ограничены в перевозимых грузах – Центр православной книги г. Белгорода, по благословению архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна, выделил литературу, в деле духовного просвещения согласился участвовать издательский дом «Фома», частные жертвователи. Первая миссионерская экспедиция в 2010 году в Арктику удалась, и послужила началом целой программы духовного окормления жителей Крайнего Севера. В 2011 году был выигран грант на осуществление миссионерской поездки. Деньги по гранту предоставлял Фонд преподобного Серафима Саровского. На эти деньги была приобретена духовно-нравственная литература, средства спутниковой связи, расходные материалы. В благом деле духовной и материальной помощи принял участие и фонд содействия железнодорожного транспорта России «Транссоюз». На выделенные этим фондом деньги было приобретено зубо-рачебное оборудование и установлено на судне «Михаил Сомов».

– Скажите, при подготовке к миссионерской экспедиции что главное – чего нельзя забывать готовящемуся?

– Главное – не забыть своё сердце, голову, веру. Из материальных вещей что-нибудь да забудешь, не возьмешь, в процессе экспедиции возникают какие-либо идеи, а средств для их реализации нет.

– Как Вы оцениваете фактическое состояние коренного населения Арктики и есть ли оно вообще?

– Живут, трудятся, многие пьют, запомнился разговор с главой поселка Амдерма. Я спросил про коренное население, ненцев, она сказала, что их очень часто посещают протестантские миссионеры, и есть результаты – меньше пьют. Православных они не видели.

– Каков духовный уровень и религиозные представления «полярных» жи-

телей? Каково было их отношение к Вам, как священнослужителю?

– С измерением духовного уровня у меня сложновато, религиозные представления как и на материке. Ну а отношение – в основном, как и везде, естественно, видя священнослужителя, люди задают вопросы и духовного характера, об отношении к политике, просто житейские вопросы. Ведь для подавляющего большинства членов экипажа экспедиции такое общение со священником было впервые. Специфика данного рейса заключается в том, что судно приходит

на ту или иную полярную станцию или поселок для выгрузки продуктов и ГСМ на весь год – для жителей и работников, живущих там – это жаркая пора. Думаю, если бы я в этот момент начинал говорить с полярниками – они меня бы не поняли, а то еще чего хуже... Поэтому просто помогал в разгрузке, в установке метеооборудования, в конце дня, а очень часто и ночью предоставлялась возможность пообщаться за кружкой чая, совершить службу. Думаю, что такое участие в жизни и обеспечении быта полярников было лучшей проповедью.

– Отец Димитрий, в чем Вы видите перспективы такого миссионерского служения? Какие методы следует предпринимать, чтобы следующая поездка была лучше и продуктивнее?

– Несомненно, это благое дело надо продолжать, использовать возможности научно-экспедиционного судна «Михаил Сомов». Но вместе с тем нужно развивать миссионерские станы на всей территории Арктики. А насчет продуктивности: главное горящее верою сердце, горящие глаза (в хорошем смысле), искреннее желание проповедника поделиться своей верой.

Беседу вели
протоиерей Игорь Кобелев
и священник Александр Гинкель

У северянина нет сомнения, что Бог есть!

25 ноября 2011 года в актовом зале Белгородской Православной Духовной семинарии состоялась лекция игумена Агафангела (Белых), который рассказал студентам семинарии о своем опыте служения на Крайнем Севере, в миссионерском стане п. Тикси Республики Саха (Якутия). По окончании лекции о. Агафангел ответил на вопросы воспитанников.

– Прежде всего, хотелось бы рассказать, как появился миссионерский стан и что это такое. Миссионерский стан – это традиционный способ устройства миссии в отдаленных местах, который был возрождён изначально на Руси архимандритом Макарием (Глухаревым) в Алтайской миссии. Он устраивал такие локальные центры в поселках, где хотя бы четыре, пять, шесть человек было крещеными, и они служили такими

опорными точками для распространения миссии. В центральном же миссионерском стане находился он сам, один-два священника, еще помощники, и отсюда совершалась вся координация всей миссионерской деятельности на конкретной территории, которую уже можно называть территория миссионерской ответственности. Зачем нам это необходимо знать? На практике нашего стана в Тикси эта теория превращается в

практику, то есть мы видим, как она превращается в какую-то реальность.

Мы видим, как те самые строчки из учебника по миссиологии становятся виденными, сделанными, и работают, и действуют. История поселка Тикси – эта история советского периода. Сам по себе поселок возник в 1931 году сначала как метеостанция, позже как морской порт на Северном морском пути, и после 1957 или 1958 годов была авиабаза. Сначала полк истребителей МиГов, позже авиабаза дальней авиации, где сейчас находится сухопутно-транспортная. Поселок этот имеет историю чисто советскую. Этот поселок никогда не был просвещен светом Евангелия, люди в том месте долго не жили, и

ны. Но в итоге выясняется, что стены есть, а наполнять эти стены некому. Также было и там: военные построили храм, но так как не было священника, не было постоянной общины, храм стоял себе и стоял. Люди ходили мимо, крестились на него, радовались, что у нас есть в поселке храм. И в 2009 году по приглашению еще тогдашнего владыки Зосимы, покойного ныне, и по благословению владыки Иоанна я приехал для того, чтобы там начать работу по созданию миссионерского стана. Когда я приехал, там наверное было всего две женщины. Я когда пришел, спрашиваю: «где люди?» – «Да вроде есть все. Вот я, да Валентина Сергеевна». Больше, в общем-то, никого и не было. Мы начали как-то трудиться. Самое главное – это мы начали совершать регулярное богослужение. Тикси – это два поселка: военный гарнизон и в нескольких километрах находится поселок гражданский. Мы служили в гарнизоне, потом в гражданском поселке, в домовом храме совершали постоянно богослужение, и получилось так, что по истечении трех лет, приход у нас по-прежнему небольшой, но составляет уже около 50 человек (если взять из двух поселков). То есть это не те люди, которые один раз приходят на богослужение. Мы рады, когда у нас собирается 15-20 человек на службу воскресную, потому что все много работают. По крайней мере, есть начало какой-то приходской жизни, начало жизни общины.

После службы еще около часа беседуем с офицерами, летчиками

так получилось, что первые священники приехали сюда лишь в 2001 году, когда уже закрепилось наше известное послабление государства к Церкви, когда уже здесь стало многое можно, то туда вот только добрались первые батюшки.

Храм, который там находится, был построен военными. Деревянный храм был построен в 2006 году. Мы часто думаем, что нам стоит поставить стены и все будет хорошо. И очень часто бывает, что человек, особенно священник, тратит усилия, тратит энергию, чтобы создать здание, сте-

Направления работы

Работа в воинской части. Мы беседуем с призывниками, мы работаем в контакте с замполитом, которого мы недавно крестили через год общения. У него оглашение перед крещением заняло целый год, то есть человек крайне серьезно готовился, он в 44 года принял крещение. Евангелие, которое он читал, было все исписано пометками. Мы с ним беседовали. Этот человек совершенно сознательно стал христианином. Вплоть даже до того, что если какие-то вопросы возникают у замполита с этим составом, он разрешает через совет обратиться в храм к священнику, ситуацию урегулировать. Мы готовим бойцов «срочников» к крещению. Вот сейчас готовятся около 4 человек из соседнего призыва,

которые хотят креститься, и примерно раз в месяц-два мы встречаемся со всем личным составом, показывая какой-то фильм, проводим беседу, в общем, поддерживаем какие-то отношения. Это одна часть нашей работы. Одно направление.

Второе направление – это миссия в национальных поселках. Наш район или говоря по-якутски улус, занимает площадь 225 тысяч квадратных километров. Для сравнения я скажу, что это чуть больше, чем государство Великобритания. Население же его всего 10000 человек. 6 поселков 500-600 человек на разном удалении от центра Тикси. Самый далекий, наверное, Таймылыр. Где-то, наверное, 400 км, если ехать на вездеходе. Как мы туда добираться?! Вертолетами, вездеходами. Как мы работаем в этих поселках? Мы арендуем помещение сразу, потому что в каждом поселке можно найти полдома какие-нибудь, пустующую квартиру. Арендуем помещение, его отделяем, делаем там домовую церковь. Всегда есть один два желающих креститься. Мы никогда не крестим сразу пришедшего. Мы разработали систему оглашений из 12 бесед. Естественно они не всегда соблюдаются. Бывает что человек готов к крещению раньше, а бывает что и 12 бесед мало. В среднем от месяца до года разброс по времени приготовления. Вопрос, который возникает. Что считать критерием готовности человека к крещению?

У нас критерием готовности к крещению является не просто формальное знание каких-то основ, вероучений, формальное знание Символа веры, потому что ясно, что можно выучить все что угодно. Был такой писатель Емельян Мирославский. Говорят, что он чуть ли не наизусть знал Евангелие и довольно хорошо, однако это не помешало ему вступить в союз воинствующих безбожников. Ясно, что формальное знание не приближает человека к Богу. Поэтому, кроме небольшого базиса, который просто знать необходимо: Евангелие, его сюжет, составляющие, – важно нравственное изменение человека, нравственное его перерождение, готовность его к тому, чтобы он стал христианином не просто потому, что он стал христианином так как ему надели крестик или трижды водой полили, а потому что это узелок в его жизни, который меняет

Временный молитвенный дом в вагончике

его жизнь. Когда такая готовность есть, то, как минимум человек пьющий должен бросить свою пагубную страсть, если человек живет в блуде, он должен это ситуацию как то урегулировать, или расстаться, или отношения оформить в законную форму и т.д. Готовность Христа ради, по любви ко Христу она как раз является критерием того, что человек может креститься. Поэтому мы не всегда соблюдаем наших двенадцать бесед, но, по крайней мере, они у нас есть, и мы стараемся по возможности их придерживаться. Крестим мы таким образом не больше, чем человек 15-20 в год. Но наш приход и прирастает на такое же количество. Человек, который принимает

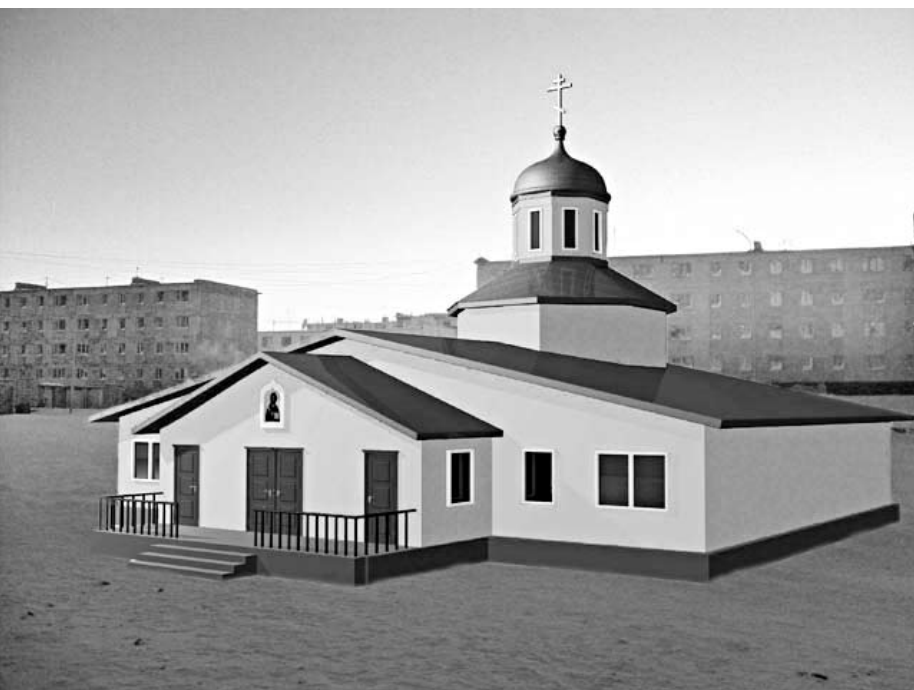
крещение, вот так серьезно готовясь, который приходит к нам на службы будучи не крещенным, мы над ним совершаем чин оглашения. И совершивши чин оглашения,

отречения от сатаны исповедания веры, через чтение Символа веры, человек поминается нами на молитве за оглашенных. То есть мы поминаем имена тех, кто готовится. Так как человек тут же присутствует на богослужении, он слышит, что Церковь о нем молится и таким образом он вливается в нашу общую церковную жизнь.

Этот опыт необходимо знать, так как наш традиционный подход к крещению, «магический», когда мы говорим, что надо окрестить человека и там Господь уже его как-то приведет. Этот подход не вовлекает крещаемого в церковную жизнь, не вовлекает крещаемого в осмысленное участие в богослужении, и таким образом мы оставляем человека на Промысл Божий, согрешая тем,

некоторые тексты и даже служить на якутском языке. Я сам, будучи человеком русским, за три года я чуточку бытовую лексику наверное освоил, то есть такие простые предложения как здравствуй, как жизнь и т.д. Часть молитв мы совершаем по-якутски. Чтение Евангелия мы совершаем в синодальном переводе. И здесь важно следующее. Чтение Евангелия является центральным местом литургии оглашенных. Это одна из вершин литургии. Эта часть литургии носит важный вероучительный характер. Господь так управил, что Церковь именно в этот день читает Евангелие зачехто. Видимо именно этот текст в этот день нужен тем, кто его слушает. Поэтому обязательно должна следовать проповедь после Евангелия. Совершенно неверно, когда мы начинаем произносить проповедь в конце литургии по отпуске, а прочитав Евангелие на языке славянском, дальше начинаем читать молитву, не разъясняя того, что мы прочитали. Краткая проповедь конечно не должна быть, не больше, чем пять-семь минут. Проповедь, которая должна иметь характер чисто экзегетический то есть толкование, что этот текст означает, почему так написано и все, без всяких нравственных приложений. Чтобы человек, слыша текст, тут же понял: что это было, почему и как. Это для нас очень важно.

Далее у нас есть такая особенность нашего богослужения, возникшая от безысходности. Из-за отсутствия хора у нас возникло общецерковное пение. Вот эти наши 15 человек, которые приходят на богослужения, они выучили весь обиход практически, особенно неизменяемые части. Поэтому на литургии: антифоны, Херувимская, Милость мира, все ектении поются всем храмом. Мы сделали небольшие брошюрки с текстами, и прихожане их разбирают и поют все. И когда к нам приехали семинаристы из саратовской епархии, музыкальные ребята, которые изысканно поют, то люди на службе стали стоять как-то грустно. Они привыкли, что их участие в богослужении совершалось именно так – голосом. Все поют, пусть нестройно, пусть простой обиходный напев, но все поют. И это тоже хорошо. Молодой священник, приезжающий в новый храм, часто сталкивается с тем, что зачастую в храме хора нет. Если хора нет, то

Проект нового Никольского храма

что мы не прикладываем к этому никакого усилия. Окрестили, деньги взяли и пошли. Так невозможно. Разумеется, крещение должно быть осмысленным, с участием родителей и крестных в жизни Церкви.

Наши особенности богослужения

Мы знаем, что очень много копий сломано по поводу языка богослужения. Сейчас целая комиссия создана по редакции текстов богослужебных, в сторону их большей понятности. Мы, как стан миссионерский, имеем дерзновение русифицировать

есть люди, которые приходят. И эти люди пусть потихонечку, но все же спуют. Поэтому эта часть нашего опыта, я думаю важна для студентов семинарии.

Еще из таких особенностей, является постоянная поддержка наших отдаленных прихожан, потому что мы можем чисто физически посетить каждый поселок один раз в году. Здесь нам важно не оставлять тех людей, которых мы крестили. Не оставлять их на самотек. Слава Богу у нас есть телефон, мы можем им звонить. Мы можем интересоваться как их жизнь, поздравлять их с праздниками. Посылать им заказки, книги или что-то еще, потому что это территория нашей миссионерской ответственности. Если вы пришли даже здесь, в Центральной России служить на приход; вот ваш поселок, ваш храм, все равно вокруг есть три-четыре хутора, где нет церкви. Это ваш приход. Вы там покрестили, вы не должны его бросать. Вы должны его сопровождать дальше, поддерживать, потому что человек, рожденный во крещении, рожденный во Христе, он требует (как писал апостол Павел: «Я насаждал, другой поливал, возрастил Бог»), то есть нам необходимо воссоздать и поливать также, не оставляя. Вот это главный наш принцип миссионерский. Мы в ответе за тех людей, которых нам послал Господь Бог. Мы в ответе за них пред Богом. Мы это должны знать также.

И последнее – это жизнь самого миссионера. Знание не спасает человека. Мы знаем, что бесы веруют и трепещут и даже они не веруют, они знают. И это знание их не спасает. Также и нас, тех кто учится в семинарии, не спасает обычный пакет знаний, который у нас есть. Мы все изучаем догматическое богословие, основное богословие, историю всякую и если это не сопровождается нашими усилиями внутренними по нашему нравственному совершенствованию борьбой со своими страстями, то эти знания нас тянут в ад, эти знания нас увлекают в бездну. Потому что знания без работы над собой, хотя бы попытки внешне жить по-христиански, это знание не спасает человека. Оно его тщеславит, оно ему навредит. Человек, который может цитировать Святых Отцов, но свою жизнь ведет безнравственно, он не идет путем спасения, а наоборот является соблазном для многих.

Встретили таймыльских ребят, знакомых по прошлогодней поездке. Они в Тикси на призывной комиссии. Приглашаю в гости на чай...

Миссия в дальних местах, как правило, совершается в маленьких поселках, где все прозрачно. Все знают что батюшка купил в магазине, куда он поехал, куда он пошел и поэтому любые попытки скрыть свои пороки, какие то свои тайные грехи, они долго не продлятся. Они все равно станут явными. Если миссионер сам не старается жить по Евангелию, пусть это не получается, мы знаем, кто самые великие святые – это самые великие грешники, которые раскаялись; но пусть эти попытки есть, пусть человек не скрывает своих слабостей. Пусть если он чего-то не знает, он скажет: «я не знаю, но давайте узнаем». Но пусть все видят, что человек стремится жить так, как он сам учит. Вот тогда, миссия действительно будет успешной. Тогда мы действительно станем тем путем, которым придет Христос. Если мы будем пытаться работать технологично, «вот сейчас я применю такой прием, используя такую методику, и всех охвачу миссией», – мы будем обречены на поражение. Это закон, который уже неоднократно в нашей жизни проявлялся.

– Как в вашем храме некрещеное население относится к миссионеру?

– Так как Якутия это регион, который исторически был крещен, мы знаем, что расцвет миссии был в 19 веке во время Иннокентия Вениаминова и епископа Дионисия Хитрова, то даже те, кто сейчас не крещен, а это как правило все, все равно имеют

христианские корни. Это видно по именам, потому что встречаешь имена у людей такие, которые здесь даже и не встретишь. Видишь например школьника, которого зовут Аким, Аким Несторович Попов; или человека, которого зовут Христофор или девочка Агафья или Марфа. Такие имена крайне распространены, т.к. там принято называть детей в честь прадедушек, прабабушек и таким образом мы видим, что корни христианские все-таки есть, даже если человек не крещен. Поэтому уважение обычно к миссионеру есть, если человек конечно не дает поводов для соблазна. Даже в просторечии священника называют тем же словом, что и Бога. Отношение населения к священникам вообще-то нормальное, потому что мы никого не учим жизни, потому что мы не приходим и не говорим: «Слушайте люди, я сейчас научу вас, как вам нужно жить!». Мы приходим, просто беседуем, общаемся с теми, кому интересно, отвечаем на вопросы и просто говорим о своей вере. Почему мы так веруем, а не иначе. Именно в таком простом общении может быть что-то полезное и рождается.

Обыкновенный заполярный ужин - остатки омуля и грибы. Собственно, это и все, что было в тот день из еды, так что особо и выбирать не из чего...

Вторым важным аспектом является то, что для жителя Крайнего Севера нет вопроса о Бытии Божиим. Если для просвященного европейца вопрос о Бытии Бога носит спорный характер, то для северянина коренного Бог разумеется есть. Это не подвергается сомнению. Остается только уточнить как поклоняться и каков Он и каковы наши с ним взаимоотношения. Вопрос традиций и вопрос предания. Поэтому там проблем больше возникает с русскими.

– Как обстоит дело с близлежащими окружающими территориями?

– Река Оленек впадает в море Лаптевых. Там стоит два поселка: Таймылыр и Усть-Оленек. В Таймылыре мы открыли музей в этом году. Мы в ответственности за заповедные территории, потому что в Жиганске нет священника, в Чугурдаке – есть приход, но нет священника тоже. На самом деле, там удивительный приход. Там люди сами собираются, ежесубботно сами совершают службу. У них в общем-то все хорошо в ту меру, как может быть хорошо без священника. 34 улуса находятся в Якутии, и на эти 34 улуса – 44 священника. Все они находятся как правило в центральной Якутии и южнее.

Мы, оставляя в поселке вот этих людей, которых мы покрестили, прожив с ними бок о бок полтора месяца, мы оставляем им чин мирянского богослужения. И знание о том, что они крещены, вот эти 5-6 человек, они являются тем ядром, которое должно быть в этом месте в этой церкви. И эти люди по возможности стараются собираться в том помещении, которое мы арендовали. Стараются быть вместе, т.е. совершается молитва. Мы сделали краткий перевод службы мирянской на якутский язык и, в общем-то они молятся на языке, который им родной, близкий и понятный. И это в общем-то важно. Потому что нет возможности такой, чтобы в каждом поселке был священник. У нас хорошо. Мы знаем, что батюшка может служить в поселке где живет 600 человек. А когда село находится в 400 км от большого города, то очень важно, чтобы священник который будет прилетать туда раз в полгода, чтобы в периодах между его визитами не прерывалась церковная молитва. Поэтому очень важно обучение мирянского богослужению с обязательным чтением дневного Евангелия, с обязательным чтением толкования, хотя бы по книжке Аверкия (Таушева). Вышла прекрасная книга, Евангелие дня, где по зачалам и седмицам расписаны каждые Евангелия и после каждого Евангелия напечатана проповедь. Мы купили шесть штук, и раздали по всем поселкам, чтобы люди молились, открывали, читали вместе со всей церковью Евангелие

дня, поучение этого дня, читали молитвы о своих близких и родных, усопших и живых, и так осуществлялась бы связь со всей Церковью. Вот это тоже очень важно, но пока к сожалению нет такой возможности, чтобы везде были священники. Мы можем на нашей территории только дважды в год посещать.

– Мы учили, что в Якутии сильно развит шаманизм, приходилось ли вам сталкиваться с шаманами?

– Исторически вышло так, что шаманов уничтожали вместе с духовенством в свое время, и шаманов инициированных, которые проходят посвящение и т.д., таких шаманов нет. Главный шаман Якутии это актер, который снимался во всех якутских фильмах, играл шамана, и видимо так проникся, что в 1990 г. объявил, что он и так шаман. Это своего рода неоязычество. Но-водельная религия, попытка на основе синтеза нескольких традиций и эпосов возродить личностное поклонение духам. Если ты идешь на охоту, тебе надо поклониться огню, помолиться Бай Бай Наю, попросить его о хорошей добыче и причем это развито как непреложное действие.

Но мы решили сохранить форму возжигания огня, потому что это в крови, это с детства. И говорить, что ты всю жизнь делал вот так, а теперь делай так, это тяжело. Сохранить эту внешнюю форму возжигания огня, но молиться взамен теперь Богу. Потому что я не вижу принципиальной разницы в возжигании свечи или возжигании огня, если это сопровождается молитвой Богу. Наполнить эту языческую форму содержанием христианским кажется мне совершенно возможным.

Рад был с вами пообщаться так как считаю, что действительно, каждому студенту стоит съездить куда-то в такое место куда специально сам никогда не поедешь, приобрести тот опыт, который дорогого стоит, преодолеть трудности, полетать на вертолетах, поездить на вездеходе, донести слово Божие тем, кто в нем нуждается, и тогда уже вернуться обратно на Большую землю человеком, который уже в своей вере утвердился еще больше и больше. Это также важно для нас самих. Спаси Господь.

– Насколько православная вера в Якутии переплелась с местными обычаями?

– Существует так называемое «двоеверие», которое берет начало еще с XIX века. Например, святитель Иннокентий, являвшийся просветителем Якутии, как и всей Сибири, а Якутии он отдал много времени своей жизни, он допускал, и даже писал в инструкции миссионерам, что допускается некий элемент «двоеверия» в тех моментах, которые не противоречат Евангелию.

Я даже скажу, до чего он разрешал дойти: он на первом этапе проповеди, у первого поколения крещеных даже признавал многоженство, потому что это было свойство языческого народа – иметь не одну жену, а две, три, четыре. И он говорил, что первые крещеные пусть живут так. Их конечно надо увещевать, но не отлучать от Церкви. А уже второе поколение чтобы соблюдало строго правила церковные.

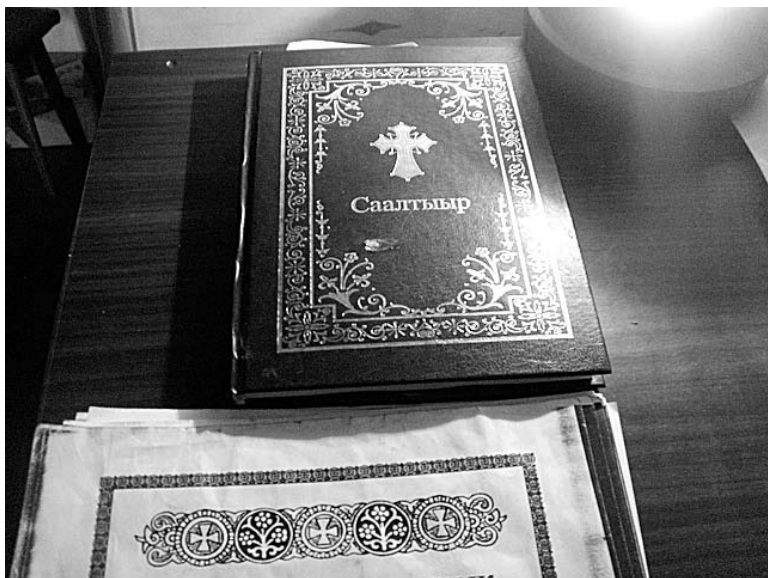
Также он писал, что необходимо служить на местном, народном языке, понятном людям, и обязывал священников учить этот язык.

Из забавных элементов бывало, что и священники, служащие (я говорю о XIX веке), принимали элементы якутского религиозного сознания. Допустим, я читал раз-

личные архивные документы, и встретил такой случай. У якутов орел – это птица культовая; когда находят где-нибудь умершего орла, недалеко от селения, то совершается обряд погребения орла: его должны со специальными песнопениями отнести на гору, закопать, и какой-нибудь представитель должен прочитать благословение.

И вот в одном из сел было такое письменное донесение: нашли орла, решили совершить погребение, и священник местной церкви принял участие с кадиллом и крестом, вышел, молился там, в общем, участвовал. То есть, было такое проникновение, потому что батюшки были рожденные там, мало образованные...

Что касается религиозного сознания коренного жителя Севера, то есть одно главное отличие от сознания жителя Центральной России, испорченного опытом цивилизации

и всего прочего; у северянина нет сомнения, что Бог есть!

Если мы говорим с современным европейским человеком, получившим светское образование, то мы должны сначала с ним договориться: а есть ли Бог? Сначала необходимо убедить его в том, что Бог существует, а уже потом беседовать о том, каков Он и что от нас требует. То для северянина, конечно, сомнения в бытии Божиим нет. Они родились и выросли с мыслью, что Бог на самом деле есть.

Очень часто приходится в поселках говорить с местными людьми, и вот один говорит мне, что «да я неверующий».

– Как неверующий? – спрашиваю его, – ты кто по профессии?

– Я охотник.

– А были в лесу случаи серьезные?

– Да, однажды в буран провалился под лед.

– Ну и что ты кричал?

– Боже, помоги!

– А кому ты тогда кричал?

– Не знаю, меня так в детстве научили...

Другое дело, что, к сожалению, после 1917 года тамошние народы, только-только начав свое воцерковление (а к 1917 году 95% населения Якутии были крещены все, было 350 храмов – сейчас 40, и 35 священников на всю Якутию, на миллион населения), их воцерковление прервалось, остановилось на этапе двоеверия, и в следующие сто лет ничего хорошего не происходило. Поэтому сейчас у них имена христианские, например, читаешь где-то «Христофор Несторович Попов» – точно якут, потому что русского звали бы по-другому.

Получилось так, что они отошли от якутской религии, опираясь на которую, можно было бы вести диалог, так как там есть понятия о Боге, о Едином Творце, о Великом Белом Господине, который примерно занимает место Христа, – но, к сожалению, уже и этой религии в их сознании нет, поэтому не на что даже опереться, а осталась только бытовая магическая шаманская часть: идешь на охоту, нужно зажечь огонь, туда бросить кусочек пищи, прочитать благословение, и, в общем, все...

– А что касается переводов – хватает ли языковой части для народного понимания?

– Все уже переведено! Перевод начался еще в XIX столетии, в 1854 году была отслужена первая Божественная литургия на якутском языке. Сейчас совершается в самом городе Якутске в кафедральном соборе ранняя литургия – на якутском. Переведено Евангелие, Новый Завет, Псалтирь, книга Притчей, отдельные молитвы. В общем, с этим проблем нет. Проблемы есть с батюшками, которые плохо учат якутский язык.

Язык довольно сложный. Я за три года научился только служить по написанному тексту, ну и выучил какие-то бытовые вы-

ражения... Но даже если я ошибаюсь в произнесении слов, для них это очень дорого, что русский, не местный, а приезжий изда-лека, он старается, учит и пытается гово-рить на их родном языке – они поправляют меня с уважением.

Сами якуты русский язык знают хоро-шо. Разве только в глухих поселках дети и старики могут не знать русского языка...

– Отец Агафангел, а Вы видели настоя-щего шамана?

Нет, я видел того, кто себя называет шаманом. Шаманов настоящих, имеющих посвящение, инициацию, в Якутии, кажет-ся, что уже не осталось, по крайней мере я о них не слышал.

Самый известный на всю Якутию ша-ман – это бывший один известный актер, который снимался в фильмах хороших, а потом в 90-е годы он вспомнил, что в нем течет кровь шамана. А почему? Потому что он играл роль шамана в одном филь-ме, ему понравилось, и он теперь является основным инициатором возрождения этого неоязычества. Ясно, что письменных источ-ников по язычеству древних нет, все только осталось в предании, в этносе, поэтому все язычество, которое сейчас возрождается в Якутии – это некая реконструкция.

В Якутии было два религиозных на-правления: одно, по классификации Ксе-нофонтова, является велюйским, и сюда относится светлая религия «аи» (учение о высшем мире, о Едином Боге, о светлых ду-хах и т.д.); другое – «черная ветвь», север-ная, заимствована от юкагиров и эвенков – это именно шаманизм, призывание черных духов, злых сил и т.д. Поэтому в религии «аи» нет шаманов, там есть «алгыс чит» – человек, который произносит «алгыс»

(благословение): первый алгыс говорится солнцу и т.д. «Алгыс читу» не нужно пос-вящение, им может быть любой пожилой уважаемый человек, старейшина. На праз-дник весны он приходит и говорит благо-словение. Поэтому алгыс читов в Якутии можно встретить, а шаманов, прошедших инициацию, сейчас нет.

– А где-то они есть?

– Да, конечно, в Бурятии, на Алтае.

– Какой контингент Ваших прихожан? Много ли местных?

– У нас в военном поселке живут только русские, а в соседнем поселке уже смешан-ное население. Соответственно к каждому нужен особый подход. В одном храме мы служим уставно, даже читаем кафизму на утрени полностью, а в другом даем больше времени проповеди, чем молитве.

– А как узнать, что человек уже духов-но готов и его можно крестить?

– Для меня существует такой критерий: человек все понимает, то есть может внятно ответить о Христе, о Церкви, о Евангелии, имеет раскаяние и нравственную перемену, например, пьяница бросает пить, блудник начинает вести жизнь целомудренную, и т.д. То есть раскаяние, нравственная пе-ремена и способность объяснить базовые истины христианства на уровне Символа веры. Это все предполагается после цикла двенадцати огласительных бесед, которые мы проводим для взрослых перед креще-нием. (*Методические указания по проведе-нию бесед опубликованы в «Миссионерском обозрении» № 2 за 2011 год. – Прим. ред.*)

Дневник камчатского миссионера

«Расстояние от Паланы до Лесной 120 километров. Этот путь мы прошли за девять часов. Нам встретилось 12 медведей...»

9 июля по благословию председателя Синодального миссионерского отдела архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна клирик Белгородской епархии иерей Алексей Истомин отправился в долгосрочную миссионерскую командировку на Камчатку. Свой миссионерский труд по благословию местного епископа он проходил в поселке Палана.

24 июля, воскресенье.

9.00. Отслужил Божественную литургию. Причащались человек 10. После часок отдохнул. На обед мне принесли картошку с олениной, красную икру, салатик. В 13.00 поехали к берегу моря и крестил там двоих (Ивана и Валентину). Прямо в юрте. После прошлись по посёлку со старостой, посмотрели больницу, детсад, милицию.

§ Священник Алексей Истомин

26 июля, вторник.

Утром к 10.00 пошёл в тубдиспансер. Собралось ко мне человек 30. И половина персонала. Пока я говорил общими фразами, всё слушали, как только заговорил о духовной безопасности, тут же половина персонала разбежалась (сектанты потому что). Договори-

лись мы о крещении на воскресенье. Погода дождливая, то припустит дождь, то тишина и мелкая морось. В обед совершил крещение 2-х человек в храме, маму и сына (Андрей и Елена), которые завтра летят на операцию в Петропавловск. После обеда собрал в администрации попечительский совет по строительству храма. Поговорили, решили начать строительство в ближайшее время.

27 июля, среда.

Утром снова собирались в администрации и уже решили, что завтра начнётся работа по строительству храма. В 19.15 мы собрались ехать на угольный карьер. Съездили туда, пообщался с руководителем. Договорились, что созвонимся в понедельник и освятим весь посёлок.

28 июля, четверг.

На улице солнечно и очень жарко, около 30 градусов тепла. Сегодня крещение. Крестил и детей и взрослых. После крещения в храме, 5 человек крестил на речке. После обеда у Екатерины. Потом ходил по посёлку и фотографировал. Вечером мне сообщили, что на окраине посёлка видели медведя. Всё так же ждём вездехода на пос. Лесная. Вроде как завтра должны поехать.

29 июля, пятница.

Утром снова солнышко и тепло на улице. Позвонили мне в 8.30 и сказали, что вездехода не будет сегодня, вертолёт должен быть в субботу и в воскресенье поедет тогда. На улице по-летнему жарко. В 20.00 позвонили и сказали, что медведь загрыз человека. Тот шёл к теплице, а он напал. Трагедия. Теперь отстреливать будут его.

30 июля, суббота.

Утро ясное, как и вчера. На улице тепло. Дует северный ветер. В 14.00 был в тубдиспансере. Крестил там 7 человек. В 17.00 отслужили утреню. В храме было человек 10.

31 июля, воскресенье.

Сегодня за час раньше обычного времени начали Божественную литургию, потому как предстоит поездка в пос. Лесная. На богослужении было человек 15. Отслужили за полтора часа. И в 11.00 отправились мы из п. Палана на вездеходе в п. Лесная.

Погода стояла ясная и солнечная. Поездка просто сплошное приключение. Выехали мы на большом вездеходе. Весь народ, кто ехал с нами, находились в открытом кузове. Вез нас глава поселения Лесная. Помимо этого ещё ехали с нами глава пос. Тигиль и с ним 4 человека. Он недавно вступил в должность и совершает, так сказать, турне по своей территории. Добрались мы к первому перевалу и начались у нас приключения. Стала «разуваться» правая гусеница. И на спуске с первого перевала мы два раза останавливались и потом немного возвращались назад. Романтика. Жуткие тут дороги, конечно. Благополучно преодолели мы перевалы, и вышли на болото. И тут уже как повезёт мы ехали. Машина перегружена была (вместо положенных 3 т у нас было 4 т), и то и дело мы садились в болоте. Однажды сели по самые двери, ну всё же вездеход есть вездеход. На половине пути пройдя очередную бурную реку вплавь, мы остановились на обед. Разложились в кустах. Плотно пообедав, мы снова отправились в путь. Ехали так сказать по болоту, по огромным лужам и порой казалось ну как же мы тут проедем, но вездеход преодолевал и брод, и огромные открытые участки болота. Скорость передвижения не превышала 30 км/ч. И вот мы вышли к побережью Охотского моря. За 3 км от берега стояли домики, и мы остановились перед ними. Это был п. Кинкиль. Тут постоянно живут 5 человек. А в летнее время, когда рыбалка, бывает и до 30 человек. Поселок образовался на месте японского завода по переработке рыбы. Ловили и сразу тут же перерабатывали. Оставив несколько пассажиров в Кинкиле, мы снова двинулись уже по побережью Охотского моря к посёлку. Оставалось 20 км и мы их прошли за 2 часа. Радостные, все в пыли, мы прибыли в п. Лесная. Встретили меня тут бабушки. И мы пошли сразу в храм, наметили, что будем делать. Вечером была у нас баня. Вот так путешествовать пришлось мне в посёлок Лесная. Расстояние от Паланы до Лесной 120 км. Этот путь мы прошли за 9 часов. Во время пути нам встретилось 12 медведей.

1 августа, понедельник.

Утром в 10.00 собрались в храме и отправились на речку отслужить водосвятный молебен. Погода начинает портиться. На

море шторм, в посёлке ветер. После молебна посмотрел я часть дома, в которую хотят перенести молельную комнату. Там нужно сделать ремонт, двери прорубить, окна вставить. Помещение куда лучше, чем то, в котором сейчас собираются для молитвы. В 12.00 в посёлок прибыло 2 вездехода, один за другим. Привезли товар с парохода. Вышли из Паланы в 0.00 и прибыли в п. Лесная в 12.00. В пути были 12 часов. Мы ещё хорошо

сюда добрались за 9 часов. В 15.30 сделали сход села. На него пришли 15 человек, и то половина пьяных. В 19.00 в молельном домике совершил крещение 9 человек. Две девочки 3-месячные, а остальные взрослые. После крещения все посмотрели фильм «Форпост». А после фильма пошел к бабушке и совершил таинство миропомазания.

2 августа, вторник.

Утром в 9.00 собрались в молельной комнате, отслужили панихиду. После панихиды окропил я часть дома, которую хотят сделать под молельную комнату. В 12.00 мы отправились из посёлка, так сказать, «домой» в Палану. Обратный путь оказался намного быстрее. Обогнали мы 2 вездехода, и за 7 часов домчали до посёлка Палана. Во время пути мы встретили 6 медведей.

5 августа, пятница.

Решили ехать в поселок дорожников, чтобы завтра на вездеходе отправиться в поселок Воямполка. И в 17.00 мы отправились с Татьяной Ивановной, Сергеем к дорожникам. Приехали, а там почти все пья-

ные. После ужина я миропомазал повара. И мы легли в валке (вагончике) спать.

6 августа, суббота.

Проснулись в 9 часов. Покушали, попили чай и стали ждать отправки. Вдруг отменили поездку. Мы уже и вещи забрали из вездехода, как снова команда ехать. Мы поехали на маленьком вездеходе ГТТ. Дорога по сплошному болоту. И вот с огромного перевала спуск и внизу посёлок. Очень маленький. Дома всё одноэтажные, наполовину заброшенные. Окна на многих забиты досками. Забрав вещи, мы с Сергеем отправились к дому, в котором будем ночевать. Еле нашли у кого ключ. Разместились и сразу же поехали к главе администрации. Её нет, она в отпуске и мы все вопросы решили с помощью замглавы. Собрались в 19.00 в школе крестить. Пришло человек 30, из них крестилось 14 человек. После крещения я раздал иконочки. Позже ко мне домой пришли несколько жителей, и мы просто пообщались с ними. Позже пришли, так сказать, опоздавшие на крещение. Завтра утром назначил на 9 часов таинство.

Посёлок Воямполка – 150 человек живёт тут. Рядом речка Воямполка, в переводе с корякского, «речка утопленница». Очень своенравная, и очень много людей погибает в ней и не находят их. Даже вездеходы тонут в ней. Состояние посёлка никакое.

7 августа, воскресенье.

В 9.00 утра пошёл крестить деток. В доме крестил 7 человек. После попили чай и пошли на вездеход. Должен был приехать начальник дорожного участка, прождали его до 12.30. Потом снова вернулись в дом, в котором ночевали, попили чай. Полчаса вздремнули и снова пришли к речке, ждали вездеход с той стороны с начальником. Его всё не было. Мы снова пошли домой, и легли спать. И только в 14.45 слышались гудки. Вездеход подошел с той стороны берега речки. Мы, постояв, решили переплыть ее. Удачно переплыли. И вот пересел начальник на наш вездеход. И мы отправились в путь. Прибыли на базу дорожников и стали ждать, когда приедет машина за нами. Но ее всё не было, и мы решили ехать на Урале. Я с начальником в каби-

не, а Серёжа и ещё одна женщина в кузове. Проехали километров 10 и встретили машину, которая ехала за нами. Пересели в неё и снова вернулись на базу дорожников, потому что машина не ехала: как только нагрузка, она дергается и не едет. Приехали и сделали ее. И отправились домой. За 5 часов мы проехали 70 км. И вот в 23.45 я уже дома.

Итог: в Воямполка – крестился 21 человек, из них 4 взрослых, остальные дети. Общины нет.

9 августа, вторник.

4.00 утра подъём. В 5 утра мы уже отправились на вездеходе в Лесную. Вёз нас Вадим Михайлович. Вперёд мы доехали очень быстро, за 8 часов. На первом перевале при спуске загорелись у нас тормоза. Успели потушить их. Стали спускаться со второго спуска – то же самое, пламя снова стало вырываться. Хорошо был ручей рядом. Из него мы залили горящий вездеход. По дороге встретили 13 медведей. В Лесной я поисповедовал двух человек. Всё почти село уехало за ягодой. Мы осмотрели помещение, пообещали помочь с его косметическим ремонтом. Пообедав, мы отправились в 15.00 «домой» в Палану. Поездка ничего не предвещала. Шла с моря морось, на сопках висел туман. После Кинкиля пошёл дождь мелкий-мелкий. Шутили, ехали, разговаривали. И тут начались у нас проблемы. Рвётся «гусянка». Сделали ее. Покушали и снова в путь. Через некоторое расстояние слетела «гусянка». Снова ремонт и снова в путь. Вот мы уже на перевале. Ещё час, и мы дома. Поднявшись на первый подъём, мы остановились – перед нами стоял вездеход. Слетела у него «гусянка». Он починился и мы за ним отправились снова. На переходе он вторично сломался. Мы его никак не могли обогнать. Вокруг дороги обрыв. Помогали ему натянуть «гусянку», чтобы отъехал он в сторону. Кое-как дорогу очистили. Обогнали его. И на последнем подъеме у нас слетает «гусянка». Подъём крутой. Кое-как мы стали пытаться надеть ее. Никакого результата. Промокли под проливным дождем. По спутниковому телефону вызвали МЧС. Очень сильно нервничала замгубернатора. На крутом склоне, рискуя сорваться вниз, трудились, чтобы

надеть «гусянку». После 2-х часов попыток наконец нам удалось это сделать. И вот мы прошли перевал, показались огни Паланы. Спуск занял час. Навстречу, почти в конце спуска, встретили вездеход МЧС. Но они нам уже не понадобились. Мы сами справились с проблемой. МЧС собиралось ехать к нам 2,5 часа. Добравшись в поселок, детей с мамами посадили в машины, а сами пошли домой пешком под проливным дождем. Я домой попал в 2.15 ночи. Выехали мы из Лесной в 14.30 и попали в Палану в 2 часа ночи.

27 августа, суббота.

С 12.00 был уже в храме. Снимался в кино о Камчатке, документальный фильм будет. 3 часа мы проработали. Потом сразу крещение, успел только домой пойти чай попить. После крещения молебен «Неупиваемой Чаше». После него исповедь. И вот я освобожден в 19.30.

28 августа, воскресенье, Успение Божией Матери.

После литургии молебен перед началом учения отроков. Потом венчание было семейной пары, прожившей 30 лет в браке. И после ездили на природу жарить шашлыки. Хорошо отдохнули. Завтра день так сказать плодотворный. Решать будем по кресту, установки его на перевале.

8 сентября, четверг, установка поклонного креста на Карагинском перевале.

Подъём в 6 утра. Сделал термос в дорогу. Потом собрал продукты. В 6.45 заехал за мной министр Мышляев и мы приехали к вездеходу. Собрались. С нами также поехал коллектив «Школьные годы»: 6 мальчиков 10 класса и 5 девочек тоже 10

класса. Всего нас в поездке из Паланы было 19 чел. Детей мы определили вовнутрь вездехода, а остальные были на крыше. Выехали в 8.30 из посёлка по направлению к Лесной. В пути 1 раз остановились, сварили уху, чай. На некоторых участках уже видны были заморозки, деревья разного цвета, трава и тундра тоже уже напоминают осеннюю пору. В Лесную прибыли мы в 7.15 вечера. В школьной столовой нас ожидал ужин, картошка с жареной рыбкой. Был запланирован концерт «Школьных годов» на 20.00. Пришло около 100 человек. На сцене постелили матрасы и спальные мешки. И девочки ушли спать к местным жителям, а мужчины устроились на сцене. Спать в спальнике было очень жарко.

9 сентября, пятница.

Проснулся утром в 6.40. На улице проливной дождь. Умылся. Выпили чая. Потом проснулись дети и стали собираться в путь. На двух вездеходах поедем. Нашли топливо для второго вездехода, и теперь

поедет Вадим (глава с. Лесная) на своём огромном вездеходе, и следом наш поменьше. В 8.15 мы покинули посёлок и отправились в путь. Распределились следующим образом: Вадим, я и министр Василий Алексеевич в VIP-салоне, а также все девочки из коллектива с нами. Все остальные поехали во втором вездеходе. Удачно переплыли мы речку Лесная и едем по направлению к тундре. Проливной дождь льет. Пройдя один лесок, мы оторвались от второго вездехода, который с крестом был. Остановились, ждали, ждали. Потом пошёл Вадим назад искать его. А у него перед лесом слетела «гусьянка». Сделав ее, они подъехали к нам. Тяжело было ехать через лес, так как крест выступал на 80 см. Кое-где приходилось бензопилами валить лес, чтобы проехать. Дороги не было. Решили ехать по телефонному «кабелю», который укладывали в начале 90-х. Зимой, конечно, проходит по нашему так сказать «пути» берингия (гонки на собачьих упряжках). А сейчас даже направления не было. Всё заросло лесом,

огромной травой. Ехали мы, рубили лес, пересекали огромные болотистые участки. Были и подъемы под 85°, на которые мы не с первого раза могли подняться. Через 5 часов мы доехали до первого охотничьего домика. Привал. Сварили уху, чай. Чуть дальше распилили дорогу, которую завалили огромные деревья. Дождь не прекращается. И снова в путь. Природа уже почти не имеет зелени. Всё вокруг красное, желтое. Красота. Переплывали мы очень много раз реки, проходили болота. И вот мы уже стали выходить на горы. Вокруг пропала растительность. В последнем так сказать лесу, мы напилили дров себе на перевал. И вот мы в ущелье. Вокруг огромные горы, в ложбинах лежит снег. Поднимаемся по ущелью выше и выше. Под ногами камни и мох. Огромные глыбы валяются то тут, то там. Огромные ледники в период активного таяния вымыли камни и породу. Ощущаешь себя таким маленьким среди огромных высот. И вот за поворотом, сужаясь, мы видим невысокую сопку и рядом с ней проезд. На сопке стоит маленький деревянный крест. Его установили 2 года назад зимой. Крест 2 метра, и заносится снегом. Наш крест 7 метров в высоту. Прибыли мы на перевал в 19.15. Все поднялись на сопку, сделали

общее фото со старым крестом. Потом распределили занятия. Девочки готовят ужин, им помогают ребята. Все остальные долбим скалу под новый крест. Старый вездеходом выдернули, решили не сжигать, а в Лесной поставить его. До 23.00 долбили мы скалу, торопились подготовить место. Потом ужин и спать. Для девочек поставили палатку с печкой, а ребята в другой палатке были. Я и министр легли в спальных мешках в кузове вездехода. Дождь к нашему приезду прекратился. Очень красивое зарево стояло на западе. Думали спать под открытым небом. Но недолго пришлось. Резко пошёл дождь, мы еле успели в палатке в ногах разместиться. Промокли капитально. И вот сон окутал нас всех. Лишь одна собака «спаниель» бодро сторожила наш сон от хищников. Путь занял 11 с половиной часов. А расстояние 85 км.

10 сентября, суббота.

Встали в 6 утра. Попили чай и пошли готовиться к тому, чтобы поднять крест. Было на небе ясно, но недолго. Вскоре снова заволокло, и пошёл сильный дождь со снегом. Вот, обвязав верёвками, мы стали поднимать крест. Огромный, сильный ветер, но ничего не сломило нас. И вот осно-

вание креста в яме, забрасываем камнями, заливаем бетон, снова камни, и вот у основания маленькая уже голгофа. Оставили на растяжках крест, спускаемся вниз готовить завтрак. Костёр почти погас, сильный ливень всё-таки льёт. Пока готовили шашлык, шурпу, картошку, я взял фотографа, а также Сергея и отправились на ледник. Сфоткались, потом поднялись на самую вершину, с которой можно при ясной погоде увидеть две стороны полуострова. Тихий океан и Охотское море. Запад и Восток. Спустились с вершины, но завтрак был ещё не готов. Я продолжил готовить шашлык. Покушали мы под ливнем. И стали готовиться к освящению креста. Все поднялись на вершину, и я освятил крест, окропил святой водой всех присутствующих. Сильнейший дождь с порывами ветра срывались на нас. Крест сильно вибрировал, но мы его хорошо забетонировали, поэтому должен устоять. После освящения спустились мы вниз к вездеходу и нашему палаточному городку. Сложили всё, и в 14.15 тронулись в путь. Погода немного наладилась. Дождь прекратился. Кое-где сквозь тучи пробивалось солнышко. Состав остался прежним. VIP салон не изменился. Проехали мы 15 км, и у Вадима на нашем вездеходе рвется «гусьянка». Ремонт занял 40 минут. И мы снова в путь. Торопились приехать засветло, кое-какие участки леса были очень трудно проходимы днём, не говоря о тёмном времени суток. Остановились один раз, попить чай. А так всё на ходу. И вот уже в темное время мы на сложном участке, кое-как прошли его. Приближаемся к Лесной, всё более полноводные и полноводные становятся реки. И вот река Лесная. Вода поднялась очень сильно. Остановились и решаем рискнуть или же ночевать на противоположном берегу. Но все-таки решили рискнуть. Включили насосы, и первыми поплыли мы. Вездеход развернуло сильно течение, зацепились за корягу, проплывающую мимо и благодаря ей выскочили на косу, а оттуда и на берег. Потом поплыл второй вездеход. Он был тяжелее нас, но и его развернуло течение. Кое-как выкарабкался и он. И мы в 23.00 нарушили рёвом моторов тишину посёлка. Перегрузились на вездеход «мышляевский», и ровно в 0.00 воскресенья двинулись в направлении Паланы. Расстояние

в 85 км обратного пути к Лесной мы прошли за 9 часов.

11 сентября, воскресенье.

В 0.00 покинули с. Лесная и отправились в Палану. Проехали километров 10 и у нас на вездеходе лопается ведущая звёздочка. Дальше ехать невозможно. Болото, ни одного деревца. По спутниковому телефону позвонили главе Паланы, чтобы тот вызвал Вадима на помощь. Приехал он через 2,5 часа. Во время ожидания отправился я с Сергеем Рудольфовичем искать для

костра чего-нибудь. Нашли немного кедрача. Запалили его. Вот приехал Вадим. Забрал водителя вездехода, его помощника. С ними также поехал и я. Потому что начался маленький дождь, а спать можно только на крыше. Проехали мы 2 км, и за поворотом встретили 2 джипа. Пьяные в стельку ребята решили ехать к нам. И застряли в болоте. Одного мы вытащили, второго не стали, потому как собрались помочь друг другу и продолжить путь к нашему сломавшемуся вездеходу. Пьяному и море по колено. Вот проехали небольшой лес и, на тебе, рвётся «гусьянка». Сделали кое-как её под проливным дождём, только тронулись, рвётся вторая. Немного подождали пока утихнет дождь и снова за ремонт. Сделали и её. И тронулись в путь. Приехали в Лесную. Позвонили мужику, у которого есть вездеход и запчасти на него. Он пришёл, погрузили мы звёздочку в вездеход и уже поехали не на Вадимовском, а

на втором, маленьком. Приехали к месту, где ребята засели на машинах. Вытащили одного, второго из болота, а сами отправились к нашему сломавшемуся. Одели ребята звёздочку и в 8.30 мы двинулись по направлению к Палане. Шёл сильный дождь, я, министр и Рудольфович принимали душ. Промокли до трусов. Сушились около выхлопной трубы вездехода. Никакого чая. Торопились домой. А дождь лил

и лил, не переставая. Вот уже перевал, подъём. Спуск, снова подъём. На перевале дождь перестал. Спуск и Палана. В 16.45 мы стали доставать сумки, в 17.00 я был дома. Принял душ и лег спать. Сумки не разбираю. Приходила Татьяна Ивановна, стучала. Я ничего не слышал. Спал как младенец. Проснулся лишь утром следующего дня в 10.00.

26 сентября, понедельник.

Утром в 10.00 загрузили крест для установки его на сопке около посёлка. Приехали в гараж, а вездеход сломался, на котором везти крест на самую сопку. Оставили его там, должны сделать вездеход и после обеда поднять крест. Обедая у Ольги Ивановны. В 16.00 сборы около министерства, и отсюда едем в оленеводческое звено. На 4-х машинах едем к концу дороги. Состав поездки: вице-губернатор Валентина Тадеевна, министр сельского хозяйства, министр Корякского округа, я, народный артист России Жуков Иосиф Вениаминович

со своим ансамблем, директор колледжа Евгений Васильевич, Тихонов – и.о. главы посёлка, корреспонденты, водители. В 19.15 пересели на вездеход и тронулись на базу оленеводов. Дорога по сплошному болоту. Двигались очень медленно. Один плюс, что не было осадков. Все находились наверху. И в 23.30 вдали показались сигнальные огни. Через 15 минут мы были на базе. Попили чай и поели из привезённых с собой припасов, в 2 ночи легли спать. Недолго спали спокойно. Фотограф напился и стал шуметь и нести что попало. Его пытались успокоить, усмирить, но бесполезно. Мышляев пару раз срывался на него. Помогало минут на 5. Потом снова. Под утро, часов в 7, он успокоился.

27 сентября, вторник.

Стали подниматься в 7.30 утра. На дворе льет дождь, мрачная погода. Вышел я на крыльцо, а впереди км 3 от нас начинается хребет срединный. И весь уже до подножья покрыт снегом. Красота непередаваемая. У нас тут дождь сильный, а там снег. После завтрака 3 человека из оленеводов отправились за стадом. Их живёт на базе 5 человек. Одна семейная пара и остальные молодые ребята. С оставшимися оленеводами я побеседовал. Женщина крещёная, а вот ребята – только один. Остальные поклоняются огню. И вот в 12.00 показалось стадо. Их около 700 голов. Красота неопишная. После фотосъёмки ансамбль АНГТ дал нам концерт из 3 номеров. Танцы народов Севера, под бубен. Под дождём мы посмотрели концерт и стали собираться в дорогу. Поели оленины и супчика. И в 13.30 отправились мы из звена к нашим машинам. В 18.00 мы приехали к концу дороги. Вымокшие, но довольные. Дождь не переставал всю дорогу. И вот мы пересели в машины. И тронулись в Палану. В скором времени и дождь перестал идти. И в 20.00 я уже был дома. Душ и спать. Голова от работы вездехода просто гудит.

3 октября, понедельник.

Готовились к установке креста на сопке. После обеда прилетел Чуев Борис Николаевич. Мы встретились, поговорили о том, кто за что отвечает. После встречи пошли с Сергеем Рудольфовичем в школу, познакомились с директором школы. Же-

лающие школьники также поедут с нами на мероприятие.

4 октября, вторник.

В 10.30 меня забрал Тихонов от храма, и мы приехали к сопке. Поднялись туда, а ребята из «Школьных годов» уже были там и готовились к установке креста. Внизу были школьники и наблюдали, как мы будем трудиться. Пришло много местных жи-

телей, кто смог поднялся на сопку; кто не смог, те наблюдали у подножия. После того как забетонировали, я освятил крест.

29 ноября, вторник.

Собираюсь лететь с эфэбэшниками по району. С утра на чемоданах, жду звонка. Вертушка пришла в 13.00. Через час мы уже были в аэропорту. Погода начала портиться, с моря пошёл вынос, видимость ограничена. Наш район закрыли для полёта, поэтому мы вернулись домой до утра. Вечером мне принесли паёк: мясо, крупы, сахар, консервы.

30 ноября, среда.

Утром в 10.00 выехали из офиса ФСБ и отправились в аэропорт. Погода не радует. Дует сильный северо-восточный ветер. После долгих колебаний принимают решение лететь в Тигиль, пока не накрыл его циклон, который движется в нашем направлении. Благополучно взлетели, но вертолёт от сильного ветра очень сильно бросает, большая вибрация. Пришлось лететь не вдоль побережья как обычно, а сде-

лать петлю и лететь «по морю». Выше 300 метров не поднимались, в целях безопасности. Но вот благополучно пролетели над Тигилем и зашли на посадку. Как только сели, вышли из вертолета, сразу же пошел на посадку самолет ЯК-40. Картина завораживающая. Я разместился у старосты. После обеда поехали в церковь, привезли воды, печку растопили. Завтра крещение планируем. На улице пурга началась. Заснул около часу ночи.

1 декабря, четверг.

Проснулся в 9 утра, завтрак и потом отправился поговорить с главой Тигильской администрации. Нужно было решить вопрос о том, чтобы съездить в Седанку, село рядом с Тигилем. Пообещал помочь. В 12.00 назначили крещение, но никто не пришёл. Глава не перезвонил по поводу снегохода, хотя я сказал, что заправлю его. Вообще тут такая атмосфера безразличия. На сегодняшний вечер назначили благодарственный молебен. Сижу в прохладном доме старосты, перед глазами компьютер. Делать тут нечего в Тигиле. На молебен пришла одна семья, которая приехала с материка (верующая), и в конце молебна пришло трое мужчин. Послужили, поговорил с ними. Брошены они, нет надежды, что будет тут священник. После вернулись домой, натопили печь, ну не рассчитал Павел Васильевич, что так будет жарко, всю ночь страдал от жары. На завтра на 10 планируем вылет, но только до Паланы. Дальше не полетим.

2 декабря, пятница.

Утром проснулся в 8.00. Попил чай с пирожками и собрал вещи. Скорее бы уехать. Заехали за мной ребята из ФСБ, и мы поехали в аэропорт. Там чуток подождали, пока подготовят вертолёт, и в 10.45 мы взлетели. Погода отличная стоит. Мороз: -15 градусов, ясно, всё хорошо видно. Маршрут проложили вдоль побережья Охотского моря, летели на высоте 250 метров. Через 40 минут уже были около Паланы, благополучно приземлились, и на этом путешествие окончилось.

Романтика и свобода, или Как преуспеть в чукотском миссионерстве

Предлагаем вашему вниманию интервью со священником Леонидом Цапком, благочинным Анадырской епархии, ключарем Свято-Троицкого кафедрального собора г. Анадырь (Чукотка). Вот уже 8 лет он служит настоятелем храма Архангела Михаила села Лаврентия – самого восточного районного центра России.

Протоиерей Павел Великанов:

– Отец Леонид, уже минуло 10 лет, как Вы несете пастырское служение на Чукотской земле. Если в двух словах – что бы Вы хотели сказать нашему нынешнему семинаристу, что бы Вы прежде всего рассказали о специфике служения как пастыря в таких дальних регионах нашего государства?

Священник Леонид Цапко:

– Ну, во-первых, я действительно оказался совершенно не готов к тому, что я увижу, учитывая, что я сам родом с Чукотки, я оттуда поступил в семинарию, в академию, туда же и вернулся. Вроде, казалось бы, для меня это было не внове. Но на самом деле, я прожил, когда закончил школу, в городе Анадыре – столице Чукотки – и никогда не

выезжал в район. Конечно, город и район на Чукотке – это большая разница. Потому что компактное проживание местного населения – чукчей, эскимосов – сосредоточено на востоке Чукотки, в городе – в основном русское население. Поэтому это как бы два разных мира, так скажем.

– То есть надо сразу говорить о двух разных аудиториях, о двух разных контингентах. Может быть, с русскими более или менее понятно, а вот в отношении...

– Да. Но тоже не совсем. Потому что есть русские там тоже очень специфические: во-первых, это люди приезжие, во-вторых, это все люди с такой психологией временщиков, потому что там никто не собирается жить. И вообще на Чукотке очень мало людей, которые бы жили там во втором, в третьем поколении, вот русские, допустим. Понятно, что они приезжие. Но они приезжие еще все, так скажем, недавно. И в основном это поколение «покорителей Севера», которое приезжало туда в советские годы за длинным рублем, зарабатывать деньги. Там была достаточно богатая жизнь по сравнению со средней половиной России в советские времена. И это люди, которые приезжали туда без родителей, приезжали туда молодыми, как правило, хорошими специалистами, которые отрывались от своих корней, пепелищ, от бабушек, от дедушек – от всего того, что связывает человека с местом, и считали себя покорителями Севера. Действительно, гордыня – не гордыня, но некое такое чувство (оно возникало в человеке) – чувство того, что ты своими руками можешь всего достичь. Поэтому в 1990-е годы, когда произошло разрушение Союза, по Северу это ударило очень сильно. Люди враз обнищали, всё разрушилось, Север оказался никому не нужен...

– А вот интересно: после крушения коммунистического строя произошла какая-то рецепция со стороны тех людей, которые остались? То есть что для них, каков был результат появившихся свобод? Это как-то спровоцировало интерес к религиозной жизни?

– Интерес, конечно, был. Поэтому на Чукотке стали возникать в начале 90-х годов

общины. Причем, специфика Чукотки была такова, что эти общины все возникали стараниями мирян. Духовенства там всегда было очень мало, а практика служения мирским чином была очень распространена на Чукотке. И люди собирались сами, причем, подчас не понимая, ничего не зная о Православии, не имея возможности посмотреть в условиях местной изоляции, то есть ты не пойдешь в соседний храм и не помотришь, как там всё это делается. То есть всё это делалось по журналу «Наука и религия» и по каким-то собственным измышлениям и по тому, что некий заезжий батюшка им объяснял, как надо делать. И причем батюшки, бывало, приезжали разные, объясняли по-разному, поэтому там и возник очень интересный такой «коктейль» в голове у людей. Чукотские приходы пережили такое становление. Причем люди постоянно менялись – это еще одна из специфик чукотской жизни, потому что пошел массовый отъезд населения. И в среднем даже сейчас приходится служить в таких реалиях, что каждые примерно 5 лет приход обновляется наполовину и не меньше – на 50%. То есть прихожане, уже которые воцерковленные, в которых ты вложил много сил и души и которые ходят в храм и которые воцерковились уже до такой степени, что они готовы плодотворно трудиться и активно помогать тебе на приходе, они уезжают, и приходят люди новые. И все начинается с нуля. Поэтому очень трудно организовать клирос, потому что постоянная текучка народа и очень трудно кого-то выучить. Подчас даже в лавку человека очень трудно найти. Это целая проблема. Потому что еще одна такая специфическая черта чукотских приходов – это то, что на Чукотке почти нет русских пенсионеров как класса, как прослойки. То есть человек, который перестает на Чукотке работать, уезжает на материк. Люди там живут для того, чтобы зарабатывать деньги. Просто жить там в старости нет никаких ни желания, ни условий. Вот поэтому люди не хотят вкладывать сердце и душу в храм, они не готовы. Характерное явление, что многие жертвуют на храмы на материке, допустим, строят себе дом где-нибудь в Белгородской области, ездят туда в отпуска, жертвуют на храм там, хотя 20-30 лет живут на Чукотке. Это тоже, конечно, очень сильно даже угнетает, порой, священника, который начинает служить...

– Вы сказали, что по окончании семинарии Вы не вполне были подготовлены к тому, что встретили.

– Да, да так и есть.

– А поконкретнее можно сказать, чему Вас не научили в семинарии, что Вам остро потребовалось уже во время Вашего служения там?

– Ну, попробую объяснить. Я достаточно – так считаю – был хорошо подготовлен для служения именно в городе, в городских условиях, потому что, в конце концов, ведь по-настоящему в плане пастырской, священнической практики, ты ведь учишься тому, что ты увидел у других. Ты перенимаешь опыт богослужения у священников академического храма, каких-то духовных отношений лаврских духовников к людям. Но к ним не ходят чукчи. К ним ходят семинаристы и простые русские люди, как правило. И поэтому они дают советы, рассчитанные на них. Но когда к тебе приходит человек совсем другой культуры, совсем с другими проблемами, с которыми ты сам никогда в жизни не сталкивался, ты понимаешь, что ты не знаешь, что ему ответить. Допустим, при очень-очень сложных каких-то проблемах кровосмешения в чукотских селах, где это очень распространенная практика, ты просто не знаешь, что сказать человеку. Потому что чувствуешь, что сказать формально «да», «нельзя», «разводитесь», когда они живут очень замкнутым селом и они все друг с другом близкие родственники. Но они так давно живут, это не вчера и не позавчера у чукчей так придумано, это связано с условиями их жизни и вполне естественное для них дело. Но ты к этому не готов. Это как пример.

Допустим, вопрос русского языка и славянского богослужения. Когда ты, допустим, служишь в городских условиях, ты можешь по этому поводу дискутировать, соглашаться, не соглашаться... Но вот ты приезжаешь в какое-то национальное село очень маленькое, на тебя приходят посмотреть из интереса местные жители, чукчи. Им хочется что-то услышать о Правосла-

вии, узнать, посмотреть на православное богослужение. И они ничего не понимают...

– Если служат на славянском?

– Естественно. То есть ты начинаешь служить какие-то молебны, пытаешься читать какие-то акафисты, делать то, что ты привык делать всегда, и они смотрят на тебя, как на человека, приехавшего с Луны, как будто ты инопланетянин, и на каком-то инопланетном языке с ними разговариваешь. Контакта не происходит с «братьями по разуму». Они разворачиваются и уходят, а ты сидишь и чувствуешь, что ты глубоко не прав. И через какое-то время этот вопрос для тебя вот там просто перестает существовать. Ты понимаешь, что если ты не сумеешь с ними помолиться так, как им будет понятно, значит, ты просто ничего не сделаешь, ты просто зря приехал, и нечего там вообще показываться и людей смущать. Поэтому там такие вопросы отпадают сами собой. Но понимаете, здесь в семинарии этому тоже не учат, так скажем. Здесь ты теоретически знаешь, что в древности служили так, что в иностранных государствах служат на местных языках... Но здесь ты воспитываешься в совершенно четкой практике: вот есть молебны, есть акафисты, есть литургия, ты должен ее служить так, как она здесь служит. Приезжаешь сюда и понимаешь, что нельзя здесь так, а другого не умеешь, другому не научили. Какого-то дерзновения начинать самому какую-то литургическую реформу где-то в чукотских деревнях – это дело очень опасное и чреватое во всех отношениях.

– Есть, наверное, мощнейший психологический барьер?

– Мощнейший психологический барьер. Но не переступив этого, ты в конце концов так и не сделаешь. И я не буду скрывать, что определенные литургические опыты приходилось там предпринимать, брать на себя такую ответственность, где-то советоваться с местным архиереем, у нас вот так все замкнуто в рамках традиций. И конечно, с одной стороны, в семинарии этому действительно не научат. Я даже не знаю, возможно

ли этому научить? Наверное, и действительно нельзя, но в этом плане ты оказываешься не готов, приехав туда. Нужна какая-то, и с одной стороны, осторожность, а с другой стороны, широта взглядов и понимание сути происходящего. То есть если ты не объяснишь чукчам суть христианской жизни, а преподнесешь им только форму, то этим там никого не зацепишь, никого.

– Отец Леонид, интересно, а чем отличается жизнь прихода, состоящего из коренного населения, от тех общин, которые смешанные, где есть и русские, и чукчи? Есть какая-то существенная разница?

– В национальном селе, когда ты организовываешь богослужения, очень сложно его сделать общим и для русских и для чукчей. Очень сложно. Потому что все-таки русским или каким-нибудь украинцам, которые приехали туда зарабатывать деньги, им нужна нормальная литургия на славянском языке, вполне понятные вещи, которые они привыкли слышать на исповеди, сколько-то раз причащаться. И все, и они довольны. А чукчи, придя на такую службу, скорее всего от туда уйдут. Потому что, попадая в храм, они чувствуют себя совершенно не в своей тарелке. Знаете, грубо говоря, ни почесаться, ни посидеть, ни в носу не поковырять...

– Чужая культура.

– Совершенно чужая культура. Там куда ни ступишь, всё не так делаешь, понимаешь, как ни повернешься – всё не то. Даже просто человеку сходить в храм, чтобы он просто постоял на службе, чувствуется, что он находится в состоянии дискомфорта. Поэтому богослужения, которые ты совершаешь в поселках национальных, они, как правило, проходят на дому, проходят в семейной обстановке, то есть какие-то знакомые люди, которые друг друга знают, собираются у какой-то знакомой чукчанки. На столе ты делаешь престол. Это очень, наверное, напоминает католическую мессу, но, по крайней мере, люди начинают чувствовать... Как-то так, понятно, на русском я не служил – на славянском, вот никаких часов, естественно, ты не читаешь, потому что если ты начнешь там за 20 минут читать им непонят-

ные славянские псалмы, они просто устанут уже. Поэтому у нас вечернее богослужение заключалось в подготовке к причастию, просто читались правила к причащению, тоже сокращенные, но так, чтобы это было всем понятно. Перед этим пили чай, и я долго разъяснял, что происходит. А потом утром мы служили и литургию. Как правило, петь было некому, пономарей тоже не было, то есть ты едешь один по этим селам, они

Священник Леонид Цапок (слева) в студии Московской духовной академии ответил на вопросы протоиерея Павла Великанова

труднодоступны и нет возможности людей возить. Поэтому тоже стараешься, чтобы все подпевали...

– Священник должен быть универсалом, способным полностью обеспечить богослужение.

– Да, полностью. Один приехать, всё с собой привезти и один провести всё богослужение. Ну, а прихожане соответственно: перед этим с ними тоже тренируешься, чтобы они хотя бы «Господи, помилуй!» или «Аллилуйя» прочитали, из Евангелия, из Апостола на русском языке, остальное на славянском, тайные молитвы вслух. И вот чтобы всё это занимало не более 40 минут, потому что на самом деле 40 минут чистого богослужения, но перед этим идут разговоры, ты им что-то объясняешь. Это ведь всё тоже часть богослужения, естественно, всё вместе. Потом – обязательное чаепитие всенепременно и опять же разговоры. Это как бы тоже приходилось что-то, так сказать, ждать каких-то экспериментов, доходить... Но вот таким образом ты собираешь

людей. И они потихонечку начинают понимать общий смысл причастия. Чувствуют, что причастие – это, в первую очередь, то, что их объединяет в Церкви в одну общину. Потому что понятие общинной жизни для чукчей чрезвычайно важно. Они всегда жили общинами. Поэтому литургия как общее дело, богослужение как возможность собраться всем вместе, а не помолиться индивидуально по домам – вот это как раз то, что они очень хорошо понимают и очень чувствуют. Собраться вместе – попить чаю, поговорить, послужить, помолиться Господу, причаститься – для того, чтобы всем вместе Господа восславить. Вот такими понятиями можно объяснить, что к чему.

– Отец Леонид, вот все-таки до сего дня среди основного коренного населения практикуется шаманизм. Как это влияет на специфику пастырской деятельности?

– Шаманизм, конечно, он сейчас, так скажем, бытовой. То есть уже профессиональных шаманов как таковых я никогда на Чукотке не видел, даже не слышал, чтобы они были, хотя интересовался всячески. Поэтому если появится здесь какой-нибудь «известный чукотский шаман», который предсказывает будущее и заклинает духов, – это, конечно, чистой воды мошенничество. Шаманизм у них закреплен где-то в глубинах сознания, это какие-то глубоко родовые архетипы, которые из века в век передаются на каком-то генетическом уровне, на уровне генетической памяти.

– Каждый сам себе шаман?

– Каждый сам себе шаман, да. То есть они кормят духов. Это для них, для жителей национальных сел, которые занимаются своими промыслами (допустим, оленевод, который пасет оленей)... Вот оленевод живет совершенно традиционной жизнью, даже сейчас. Он с утра до вечера бегаёт по тундре за оленями, живет, как правило, в той же яранге традиционной, одет в меховую одежду, не видит, не общается с цивилизацией, и он целый день годами живет в тундре. Только дикие звери, небо, морозы и совершенно экстремальные условия для

жизни. И эти экстремальные условия для жизни и определяют в общем-то религиозное сознание. Потому что это одухотворение, вера в духов, в то, что всё живое, что всё имеет своих духов-покровителей, которых надо задабривать, – это всё то, что помогает им выжить в этих условиях. Эта религия им необходима просто для выживания, потому что, ну, я не знаю, где еще на свете более экстремальные условия для жизни вообще. Почему вообще человек там поселился и жил, в таких условиях – не знаю, это невероятно просто. Может быть, какие-нибудь папуасы в Новой Гвинее живут гораздо легче. А там, если ты вовремя не сшил себе меховые одежды, ты просто замерзнешь зимой и всё. Если ты не добыл зверей и не сшил себе одежды, ты просто не выживешь. Соответственно, если ты там вовремя не убил кита осенью, зимой ты умрешь с голоду, если ты зверобой-чукча, потому что охотиться можно только летом, зимой всё замерзает. Там есть эти нерпы, нет этих нерп, а осенью надо заготовить китов. А что такое убить кита? Древними орудиями, допустим, каменными гарпунами костяными и какими-то поплавками из меха... Это что-то совершенно невероятное. Тут видел китов в море и вот современными методами их убить непросто – гарпунными пушками, а в каких-то лодочках из моржовых шкур люди выходили, убивали этих исполинов, вытаскивали их на берег, как-то разделявали... В общем это какая-то на самом деле просто вершина выживаемости человека, просто вершина. Естественно, эта вера в духов моря, воды, животных, которых они одухотворяли, тоже просили у них прощения, когда убивали, верили, что эти животные кормильцы, она как-то естественно сопровождала всю жизнь чукчей. Но эта вера так же естественно отмирает, когда человек выпадает из этих условий. Так же, как и чукотский язык имеет смысл только в условиях жизни в тундре, потому что он вообще коммуникативный, по всей своей структуре и по своему смыслу он предназначен для жизни в условиях тундры. Когда человек приезжает в город, этим языком нет смысла разговаривать, там просто понятий таких нет для того, чтоб он там был необходим. Поэтому сейчас чукотский язык практически утерян. На нем говорят только

стариками, молодежь его не знает, даже люди среднего возраста на нем тоже не говорят.

– Они используют русский язык?

– Да, только русский. Поэтому никакой необходимости проповедовать чукчам на чукотском языке нет, потому что просто некому.

Я вот не договорил про шаманизм, что те чукчи, которые сейчас живут, для них это все-таки вполне естественно, отправляясь на охоту, допустим, на моржовую или на китовую, они ведь сейчас охотятся так, как и тысячу лет назад. Бьют моржей и китов теми же гарпунами, единственное, что лодки теперь на моторах. А так большой разницы нет на самом деле. Они, так сказать, там кормят духов, молятся духам, в море призывают хорошую погоду. И проповедуя им христианство, очень трудно дать им что-то большее. То есть для этого действительно должен произойти какой-то серьезный душевный переворот в душе человека – личный – для того, чтобы он изменил вот этим своим вековым обычаям и начал призывать, допустим, Божью помощь перед охотой.

– Не происходит ли некой глубокой ломки и сознания и самой жизни коренного населения, когда они действительно обращаются в христианскую веру? Не утрачивают они свою национальную идентичность?

– Наверное, все-таки утрачивают. То, что я видел и наблюдал за эти годы, говорило о том, что, как правило, все-таки все равно процесс обращения чукчей в Православие, в том числе и личный, он всегда связан с ассимиляцией в русскую культуру, так или иначе с утратой своих корней. Когда человек вышел из тундры и не пришел в город, образно говоря, это самое тяжелое состояние. Но таких «потерянных» людей на Чукотке много. И это может быть самая для нас главная паства потенциальная, вот такие люди.

– Продолжая эту мысль, все-таки Вы совершенно исключаете возможность сохранения национальной культуры при ее глубинном «переквашивании» в

христианство, это абсолютно исключено? Или просто мы на сегодняшний день не готовы, у нас нет продуманных алгоритмов изменения изнутри культуры с тем, чтобы, с одной стороны, сделать ее не языческой, а христианской, с другой стороны, сохранить эту национальную красоту, эту самобытность?

– В том виде, в котором мы сейчас привыкли проповедовать христианство, в том виде мы, конечно, только ломаем национальную культуру. Потому что мы просто будем делать их, так скажем, «русскими», прививать им русское Православие в том виде, в котором мы сами научены ему. Для того, чтобы это органично переплелось, нужно вернуться к каким-то истокам веры, то есть идти в какую-то глубину, понять самую суть христианства и передать эту суть вне русской культурной оболочки. Насколько это можно сказать, вот в поселке Энмелен (в Провиденском районе) удалось создать национальную общину, которая состоит почти из одних чукчей. Но, естественно, этот поселок состоит не из яранг, люди там живут каким-то укладом, то есть они охотятся на моржей, охотятся на китов и по мироощущению они ощущают себя чукчами. Там собралась православная община. Но ее собрать удалось тогда, когда пришлось, может быть, удариться в некий такой протестантизм. Но, естественно, если глубоко копать, там можно найти много всякого языческого, но, по крайней мере, это, безусловно, такой серьезный и осознанный шаг в христианство. Но если вы приедете на этот приход и посмотрите на него со стороны, я так скажу, что на наш православный приход это будет мало похоже. Может быть, какой-нибудь архиерей бы даже просто всех позапрещал бы за такие эксперименты и сказал бы: «Чем вы там занимаетесь и что проповедуете?» Но на самом деле, наверное, вот только так и можно. По крайней мере, ничего другого придумать и сделать не удалось. Везде те места, где ты пытаешься делать что-то традиционное и привычное, ты там просто не нужен, не востребован оказываешься.

– Вы знаете, у меня в голове крутится один и тот же вопрос: а чем может быть привлекательно служение на Чукотке

для нашего нынешнего семинариста? Что там есть такое, ради чего человек готов был бы поехать туда, нести свой подвиг вот в этих очень непростых условиях?

– Ну, в первую очередь, я думаю, романтикой. Еще – любовью к свободе, к чему-то новому... Туда приезжаешь и кажется, что здесь невозможно жить и служить, а потом понимаешь, что можно. Можно многое делать, что люди тебя все равно будут любить, если ты любишь их, и они видят хотя бы твою искренность по отношению к себе. Потому что ты можешь там не преуспеть в чукотском миссионерстве, но если ты с любовью относишься к местному населению, они тебе все равно отвечают любовью. Там завязываются какие-то дружеские связи. Это ведь тоже есть проповедь, потому что понимаешь, что это не просто программа максимум – уехать и оставить приход, в котором благочестивые чукчи, чукотские бабушки носят вербочки на Вербное воскресенье. В-первых, верба там на Троицу расцветает, распускается не раньше, а во-вторых, конечно, там всё по-другому совсем выглядит. Но этот плод все равно виден, в очень сложных, тяжелых условиях нужно сделать какое-то по-настоящему важное дело и от этого получить удовлетворение, которое не получит ни один священник на московском приходе, могу Вас уверить. Просто внутренне, даже для себя.

– Отец Леонид, а может быть, здесь есть возможность еще и испытать своё христианство, свою веру, то есть когда ты оказываешься перед лицом серьезного вызова: что такое твое христианство, если с него снять некую оболочку русского Православия? Что там остается? Остается там что-то или там уже, собственно говоря, ничего, кроме этой оболочки-то и нет?

– Ну, там, конечно, момент истины наступает очень быстро у человека, кто ты есть на самом деле. По сути дела, твоя вера –

это главное, что для себя самого ты оттуда выносишь. И в первую очередь, все равно любое такое пастырское делание – это возделывание своей собственной души. Там эти процессы тоже происходят очень быстро. Почему? Чукотка очень быстро отторгает людей посторонних.

– То есть другими словами, если семинарист хочет стать настоящим пастырем, ему лежит путь на Чукотку?

– Ну, как бы с Чукотки очень хорошо начать. Как правильно говорят, что лучше с Чукотки начать, чем Чукоткой закончить. Поэтому, допустим, 3-5 годиков служения на Чукотке просто сформируют тебя как человека, может быть, гораздо лучше, чем это произойдет в любом другом месте. После этого тебе будет уже ничего не страшно. Ты не будешь бояться никакого служения ни в каком другом месте. И причем этот опыт общения с людьми другой культуры, проникновения, может быть, в эти проблемы будет очень полезен потом, где бы ты ни служил – за границей, на приходах с молдаванами, с украинцами, с русскими... То есть ты будешь таким очень «универсальным», мне кажется, приобретешь некий универсализм, который можно не обретать десятилетиями, когда ты служишь по какой-то накатанной колее в каком-то привычном налаженном приходе здесь, допустим, в средней полосе России.

– Спасибо, отец Леонид. Хочется только пожелать, чтобы при обилии «жатвы» Чукотская земля имела и достаточное количество пастырей, делателей.

– Приезжайте к нам на Колыму.

– Спасибо.

**Беседовал протоиерей Павел Великанов,
проректор по научно-богословской работе
Московской духовной академии**

Само воспитание миссионера – дело миссионерское

В конце декабря состоялась интернет-конференция «Как воспитать миссионера?» На вопросы отвечают Владимир Иванович Якупцев, руководитель Методического центра по миссии и катехизации при Свято-Филаретовском православно-христианском институте (СФИ), и Наталья Александровна Адаменко, преподаватель миссиологии СФИ, сопредседатели Православного миссионерско-катехизаторского общества во имя свт. Иннокентия Московского

Надежда Кротова: – Дорогие Владимир и Наталья! Что является знаком миссионерского призвания?

Мне известно, что если человек хочет стать художником, то он может им стать при условии созидания красоты или каких-то других вещей внутри себя, постоянного труда, размышления, совершенствования навыков, т.е. найдет свои темы

в искусстве и адекватные себе способы воплощения этих тем.

Так ли это для миссионера? Достаточно ли просто желания христианина быть миссионером? Это дар, данный человеку изначально и его нужно только найти и реализовать?

Или дара может и не быть от рождения, а потом, трудясь в направлении мис-

сии, молясь об этом, он может этот дар получить?

В.И. Якунцев: – Знаком того, что христианин призван к миссионерскому служению, является его сострадание к людям, не имеющим веры в Бога, во Христа. Само действие в сердце этого сострадания и является действием миссионерской харизмы.

В силу рождения человек, строго говоря, этот дар не имеет в себе, хотя может его предчувствовать или желать иметь. Как правило, такое предчувствие или желание проявляется в том, что человек проявляет солидарность с другими людьми, не проходит мимо, старается помочь. Но если говорить не о солидарности, а о самом сострадании, то оно уже дар другого рождения – рождения свыше. Сострадательная любовь – это в чистом виде дар Христовой любви. И эта любовь всегда является плодом веры самого человека.

Мы же, если хотим быть заботливыми родителями, должны детей готовить к восприятию этого дара. Для этого нужно их по-особому воспитывать, показывая, что самое главное в жизни человека – это способность и готовность проявить заботу о другом или прийти к нему на помощь.

Надежда Кротова: – Что можно считать ошибкой в определении своего призвания и тех, к кому ты послан?

В.И. Якунцев: – На ошибку в определении своего миссионерского призвания указывает отсутствие плодов. Если человек ошибается в своём призвании и не приходит к тем, кому он послан, то он просто не может принести плоды. Куда Господь его не посылает, он идет, а куда посылает – туда не идет. И корень этой ошибки – своеволие. Можно много говорить о том, что именно способствовало, что препятствовало миссии, но корень ошибки – своеволие.

Юрий Крапивин (Воронеж): – Дорогие Владимир и Наталья! Думаю, что тема конференции касается больше воспитания детей. Но оглашаемые – это тоже в каком-то смысле наши «дети». Необходимо ли их с «малых лет» цер-

ковной жизни воспитывать как миссионеров? И если необходимо, то как лучше это делать? Какова в этом роль поручителей?

В.И. Якунцев: – Юрий, вы совершенно правы. Оглашаемых, то есть тех, кто только входит в церковь, кто уверовал, но ещё не принёс обеты крещения и не утвердился в них, все равно необходимо сразу вводить во вполне определённый труд, который бы позволил им воплотить начатки сострадания, появляющиеся у них в сердце. Они могут понести это как некий подвиг покаяния. Кстати, очень важная вещь: там, где появляется у человека покаяние, там сразу появляется и сострадание.

Известно, что Господь наш Иисус Христос, готовя своих учеников и апостолов к служению и к воцерковлению, то есть к приятию даров Пятидесятницы, посылал их на проповедь. Он давал им сразу участвовать в Его милосердном служении. То есть им не надо было ждать, когда они получают все дары, чтобы выйти на поприще. Да они не были еще самостоятельны, но могли Ему помогать. Так же должны делать и мы.

Поэтому нужно давать оглашаемым возможность, начиная с элементарных добрых дел, проявлять если уж еще не сострадание, то как минимум солидарность с ближними, которых они, может быть, совсем и не знают, но которым они могут помогать в силу своей благодарности Богу. С этого нужно начинать: ходить в городские (бюджетные) больницы, помогать одиноким, брошенным и т.д. Поручители здесь должны помогать. Что значит помогать? Нужно сопутствовать этим оглашаемым и нужно им показывать пример того, как нужно делать по-настоящему добрые дела ради Господа. И возможностей для таких дел очень много.

Татьяна Николаевна Воробьева: – Владимир Иванович и Наталья Александровна, вопрос как-то «не задается», хотя ясности совсем нет. Думаю, что невозможно «воспитать миссионера» по какой-либо программе. Даже пример родителей-миссионеров может оказаться поучительным лишь отчас-

ти. Можно ли воспитывать в ребенке (да и во взрослом тоже) качества, необходимые миссионеру, прививая их «на всякий случай» – вдруг Господь одарит и призовет человека на это служение Ему? На что именно надо прежде всего обращать внимание?

В.И. Якунцев: – Спасибо Татьяне Николаевне за вопрос. Дело в том, что вы в этом вопросе очень точно сфокусировали основные проблемы воспитания в христианской семье, потому что мы действительно порой воспитываем в христианстве ребёнка, имея некоторый абстрактный образ, «лекало» какого-то миссионера. А речь может идти действительно только о воспитании определенных качеств, которые могут помочь воспринять не только харизму миссионера, но и вообще христианство как путь.

И по сути дела, даже не качеств, а одного качества – самого главного, определяющего все – это двуединое качество благодарности Богу и сострадательного отношения к людям. Во-первых, благодарного отношения к Богу, а во-вторых, сострадательного отношения и к людям, и к животным, и ко всему, ко всякой твари. Воспитание именно этого качества мы кладём, как я уже сказал, в основу всего. То есть это тот «стержень», на который «нанализывается» всё остальное. Совсем не значит, что это качество можно воспитывать наряду со всем остальным, наряду с развитием каких-то талантов, способностей. Мы ставим задачу перед собой вырастить человека, который откликается на боль, у которого степень огрубения сердца намного меньше, чем в среднем случае. И это является условием для того (мы действительно надеемся на это), что по нашей вере и вере самого вырастающего ребёнка Господь даст ему дух, дар любви Своей, харизму, через служение которой он действительно сможет приносить для Бога и для церкви обильные плоды.

Борис Заболотский (Москва): – Здравствуйте, Владимир и Наталья. Если я правильно понимаю, то ответственность за воцерковление ребенка в большей степени возлагается на его поручителей (крестных). Родители реально могут здесь лишь помогать, поскольку ребенку видны все их недостатки. Пусть родители самые благочестивые, но заботы и быт могут, мягко говоря, втянуть их в некоторое рассеяние. В глазах детей это может превратиться «из мухи в слона». Известна также и проблема «отцов и детей». Поэтому-то роль крестного и первостепенна, как я понимаю. Получается, что при воспитании ребенка миссионером, оказывается, возрастает роль именно родителей по сравнению с крестными? Если так, тогда в ребенке вначале должно зародиться сострадание и милосердная любовь и к своим родителям? Известен ли подобный опыт?

В.И. Якунцев: – Дело в том, что так уж получается с человеком и его сердцем, что если в нём появляется начаток сострадания, если в нём зажигается огонёк Христо-

Сотрудники Методического центра по миссии и катехизации.
Владимир Иванович Якунцев – справа

вой любви, то он уже не имеет избирательного действия: только к родителям, или детям, или к животным и т.д. Это меняет в целом качество жизни человека. Как сахар: куда его ни положи – он везде сладкий... Если эта любовь, и благодарность, и сострадание проявляются, то это коснется всех и, в том числе, и родителей.

А что касается ответственности родителей и поручителей, то, как я уже говорил на одной из интернет-конференций,

в любой ситуации всегда основная ответственность за воцерковление детей лежит на родителях, а не на крёстных и поручителях. Важно помнить, что изначально именно сами родители являются поручителями, ходатаями, наставниками для детей. Собственно это их в каком-то смысле естественная роль. Крёстные и поручители появляются в церкви в силу немощи родителей, в силу проблем, о которых Борис только что сказал. Потому что очень часто так получается, что благочестие христианина лучше воспринимается на дальнем расстоянии, а поближе подойдёшь, то сразу увидишь столько всяких неприятных мелочей, немощей, которые от него отвращают. Это то, что касается родителей и детей.

Если, действительно, семья дышит духом Церкви, духом любви, благодарности и сострадания, о котором я сказал, то проблемы, которые обычно постигают мирские семьи, в частности, проблема общения отцов и детей, такую семью глубоко не затрагивают. Потому что и дух другой, и смысл другой, и направление жизни другое, поэтому и психологические проблемы в такой семье разрешаются легче, компенсируются. Наоборот, если в семье возникают проблемы свойственные всем мирским, нехристианским семьям, то, скорее всего, эту семью можно с трудом назвать христианской, а, может, и совсем нельзя такой назвать. Тогда понятно, что там живут по совсем другим, мирским законам. И в этих случаях, как правило, родители действительно часто не играют определяющей роли в воцерковлении детей. И коли так, то основная «тяжесть», основная ответственность за воцерковление детей переходит на поручителей.

Юра Заверюха: – Уважаемые Владимир и Наталья! Вопрос может быть один. Надо с чего-то начинать, с каких-то маленьких дел. С того, что будет постоянно основанием для развития этого миссионерского воспитания. Понятно, что «программы» не хочется иметь и идти по ней. Хочется иметь понятие о каких-то главных вещах, на которые стоит периодически обращать внимание и ДЕЛАТЬ ЭТО!

В.И. Якунцев: – Дорогой Юрий, практика миссионерского воспитания состоит, как правило, из трёх аспектов: научение в вере, молитве и научение жизни, как это происходит и в обычном, классическом оглашении. На это и надо обращать особое внимание и этому уделять особое время и силы.

Чтобы возрастать в вере, ребёнок должен регулярно слышать родительское слово по совести, которое раскрывало бы ему опыт христианской веры. В том числе, для него должна звучать проповедь. Не просто болтовня какая-нибудь, суета, а именно проповедь. Во-вторых, нужна регулярная молитва. И, в-третьих, конечно, нужно регулярно делать всякие дела, связанные с проявлением солидарности. Если дети маленькие, то это может быть, например, кормление животных. Нам нужно не проходить мимо голодных, холодных животных на улице, а вместе их покормить. Если дети повзрослее, то регулярно, хотя бы раз в неделю, носить 2-3 бутерброда для людей, которые у нас, например, в Москве зимой обычно обитают рядом с обогреваемым входом в метро. И самое главное, подойдя к этому обездоленному человеку, не просто дать ему бутерброд, а сказать ему приветливое слово, потому что это люди, которые годами не слышат ласковых, доброжелательных слов.

Дети постарше, 9-10 лет, уже могут в зависимости от того, чем сами родители занимаются в церкви, им помогать. Допустим, 9-10-и летние девочки и мальчики могут накрывать на стол и разливать чай, убирать комнату после оглашения, если папа или мама – катехизаторы или помощники катехизатора. Они часто с удовольствием помогают родителям в этом возрасте. Важен даже не сам факт помощи, а серьезное отношение к этому взрослых, что очень хорошо чувствуют дети. К молитве, к слову, к церковным делам отношение у взрослых должно быть как к святыне. И это отношение должно лежать в основе построения всей жизни. Это то, что для детей важнее учёбы, важнее секций, важнее ещё каких-то там кружков по развитию чего-то. И так должна быть устроена жизнь христианской семьи. Очень важно стремиться, чтобы ребёнок пони-

мал, что доброе дело – это то, что ты делаешь ради других, а не ради себя. Детям важно разграничить: вот это ты делаешь ради других, ради ближних, а все остальное ты делаешь ради себя (учишься, ходишь в секции, помогаешь родителям по хозяйству). Доброе дело – это то, что ты делаешь прямо ради ближних, ради того, чтобы помочь и облегчить человеку его трудное положение.

Алексей Хегай (Москва): – Уважаемые Владимир и Наталья, Если я правильно понимаю, само воспитание должно быть миссионерским и наоборот – как две стороны. Какие крайности и ошибки здесь наиболее опасны?

В.И. Якунцев: – Дорогой Алексей, самые большие или опасные крайности и ошибки происходят от потери Духа. Там, где нет Духа, там всегда, действительно, есть какие-то крайности. Вот, к примеру, там, где есть Дух, там всегда есть единство и свобода одновременно, а там, где нет Духа, там или единство в смысле спаянности, или свобода как атомизация, т.е. или то или другое. Тут то же самое: если нет Духа, то родители вообще ничего не делают в воспитании, т.е. по сути дела похристиански не воспитывают. Они могут обслуживать ребёнка, развивать его способности, социализировать его, но не воспитывать как христианина, как человека, который ищет дар милосердной любви и желает принять его. Либо вторая крайность – идеологизация в воспитании ребёнка, занудство, формализация – будешь, мол, миссионером, никуда не денешься... Т.е. то, о чём говорила Татьяна Николаевна в своем предыдущем вопросе. Когда мы формируем какой-то образ, а потом «формируем» некоего миссионера под этот образ.

Алексей Хегай: – Можно ли утверждать, что воспитывается миссионером в широком смысле каждый человек, если учитывать дух, веру, образ жизни, которые он неизбежно передаёт другим?

В.И. Якунцев: – Если мы говорим «вообще», то ясно, что всякий человек своими

поступками и самим своим словом, духом всегда чему-то учит, всегда подаёт какой-то пример, хочет он того или не хочет. И это касается любого человека, верующего или неверующего. И неверующий человек тоже проповедует своё неверие, хочет он этого или не хочет, он о нём свидетельствует, он – апостол неверия.

Особенность христианского свидетельства заключается в том, что оно всё-таки предъявляет к человеку повышенные требования. Не только в смысле веры (понятно, что христианин – верующий человек), но и в смысле целостности этой веры. Поэтому нам нельзя сказать, что «ты можешь просто верить в душе, тихонечко так, скромненько так, незаметно верь, ну, а те, кому нужно, они увидят, разроют, добьются, пробьются». Мы знаем, что этот подход прямо осуждается Господом. Это как раз тот вариант, когда человек зарывает талант в землю. Потому что, как известно, зарывший талант его не украл, не разрушил, не рассеял. Он его сохранил и принёс Богу обратно: «Вот тебе твое» (Мф. 25: 25). А речь идёт о том, что этот талант надо открыто использовать, его надо пускать в оборот. Об этом же говорит апостол Павел в одном известном месте послания к Римлянам: «Сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим. 10: 10). Оказывается, иметь личную праведность недостаточно для спасения. Ты можешь обрести праведность, но спасение ты можешь не обрести, если открыто устами не исповедуешь свою веру и тем самым не поможешь другим эту веру и праведность обрести. И только когда ты открыто «исповедуешь устами», т.е. когда ты этот талант пускаешь в оборот, только тогда, действительно, могут быть плоды, только тогда ты можешь войти «в радость Господина своего».

Наталья Е. Кушнир: – Уважаемые Владимир и Наталья! Сначала, когда я прочитала тему конференции, мне было не совсем ясно, о ком, собственно, речь: о детях или о взрослых? Но, поразмыслив, я пришла к выводу, что это не столь важно, потому что невозможно «воспитать» миссионера в ребенке, если ты сам таковым не являешься: какой при-

мер увидит ребенок – такой пример он и будет перенимать. Подозреваю, что это вопрос, скорее, к самим себе: как нам внутри себя воспитать миссионера? И тогда возникают вопросы: как в современном мире человеку обретать открытость к людям? преодолевать слепоту и глухоту по отношению к людям вокруг? преодолевать страх общения с незнакомыми людьми? Т.е. все это очень бы хотелось делать, но когда доходит до дела, то что-то внутри как будто окаменеет... Понимаю, что вопросов много и, возможно, на них и нельзя дать однозначный ответ, но хотелось бы обрести какую-то надежду и вдохновение, что это возможно преодолеть.

Н.А. Адаменко: – Да, Наталья, этот вопрос, конечно, адресован нам, взрослым людям, родителям, ведь пример родителей для детей очень важен. Можно даже сказать, что этот пример имеет для них определяющее значение. Дети часто пропускают наши правильные и хорошие слова «мимо ушей», но всегда подражают нам, делают то, что делаем мы, копируют наш образ жизни, отношение к миру, другим и самим себе. И если в нашей жизни действительно есть «дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцом нашим» (1 Фес. 1: 3), то дети очень естественно всё это воспринимают. Очень хорошо этот процесс естественного «впитывания» веры родителей, старших братьев и сестер описывает в своем интервью прот. Василе Михок, вице-президент православного движения «Воинство Господне» из Румынии.

Открытость к людям появляется от открытости к Богу, к Его действию в нашей жизни, от доверия к Его промыслу о нас. Если каждая наша встреча не случайна (а случайностей в жизни христиан просто не бывает), то любой человек, встреченный нами, – от Господа. Греховную слепоту и глухоту, некое «ожирение сердца» (Пс. 118: 70) по отношению к людям можно преодолеть через покаяние, а страх перед незнакомыми людьми преодолевается только любовью, готовой идти на риск. Мы, действительно, всё это знаем и хотели бы делать, но часто жалеем себя и поэтому

не используем все возможности, которые Господь дает нам для служения Ему.

Ирина Заверюха: – Здравствуйте, Владимир и Наталья. У меня вопрос о милосердной любви как о начатках миссионерского духа в себе и ребенке. Что такое милосердная любовь и жалость? Обычно жалобы людей сводятся к «пожалей меня, мне тяжело в миру жить, дайте мне денег и работу, но чтобы было поменьше труда и заботы». Как в таких случаях жалеть правильно? Как учить такой жалости ребенка?

Н.А. Адаменко: – Жалость или сочувствие – это чувство, иногда очень сильное, которое мы испытываем по отношению к людям, попавшим в трудные жизненные обстоятельства. Но, как правило, жалость так и остается чувством, которое проходит без последствий, никак не меняя нашу жизнь. Мы пожалели, посочувствовали – и через некоторое время забыли этих людей... Милосердная же любовь или сострадание – это не просто чувство! Сострадание всегда выражается в помощи, оно не зависит от наших чувств и настроения, но изменяет нашу жизнь, и мы готовы, жертвуя чем-то своим, регулярно помогать страдающим, нуждающимся одиноким людям. Хотя четко разделить сочувствие и сострадание невозможно, ведь мы часто ощущаем их одновременно, и жалость часто предшествует милосердной любви. Но сострадание всегда выражается в деятельной помощи, в делах любви – порой самых простых и очевидно «малых». Помочь в домашних делах пожилому соседу-инвалиду, хотя у нас дома тоже много дел; выслушать подругу, у которой серьезно заболел муж, и помолиться вместе с ней, хотя мы устали; отнести ненужные детские вещи и книги в многодетную семью или купить им что-нибудь; навестить в больнице дальнего родственника или друга, хотя ехать в больницу далеко – эти добрые дела, которые делаются родителями-христианами без особого пафоса, естественно и спокойно, могут незаметно научить детей равнодушию к людям, состраданию и послужить основой для христианского свидетельства – миссии.

Валерия Волкова: — Дорогие Владимир и Наталья! Какие самые серьезные препятствия нам надо преодолеть, чтобы такое воспитание стало возможным в принципе?

Н.А. Адаменко: — Прежде всего, нам надо преодолеть дух потребительства и эгоистической замкнутости на себе и своем, которые препятствуют и христианской миссии, и самой жизни по Евангелию. Наша жизнь и наше христианское свидетельство людям очень тесно связаны. Если мы сами в своей духовной, церковной, братской жизни настроены лишь на получение, на потребление, на удовлетворение только своих духовных нужд и на решение только своих проблем, то и сами мы тогда – плохие свидетели Христовы, и детям нашим нам особо передавать нечего... Если нам всё равно, что вокруг нас живут люди, которые не знают Бога, не знают Христа, не знают, что такое Церковь, не знают радости истинного покаяния как возвращения в Отчий дом, если мы не чувствуем их страданий от бессмысленности такой жизни, от одиночества, то и детям нашим тоже будет всё равно.

Татьяна Благодарева: – Дорогие Владимир Иванович и Наталья Александровна. На вопрос «как воспитать миссионера?» у меня есть некоторые предположения, но пока это всё теории, не проверенные опытом. Может быть, лет через десять, когда мои дети станут миссионерами, я смогу таким опытом поделиться. А пока вопрос. Великие миссионеры XIX века, такие как святитель Иннокентий Московский, равноапостольный Николай Японский и другие, могут быть примером для детей и молодежи, ведь их служение изобилует героическими эпизодами и приключениями. Но реалии их жизни и нашей настолько отличаются! Нет ли более близких нам образцов православной миссии?

Н.А. Адаменко: – Дорогая Татьяна! Те великие русские миссионеры XIX века, имена которых Вы привели, действительно могут служить для детей и молодежи

примером веры, трудолюбия, дерзновенной молитвы и бережного, любовного отношения к людям, которым они проповедовали Христа. Что касается более близкого к нам времени, а именно XX века, то в связи с гонениями на Церковь после Октябрьской революции 1917 г. возможностей для «обычной» миссионерской деятельности в Церкви практически не осталось. Однако она продолжилась, хотя и в неизмеримо более трудных условиях. Свидетельством миру явились жизнь и подвиг бесчисленного множества новомучеников и исповедников Российских и не только. Как и в древней Церкви, и в более поздние времена, общинные движения, связанные с просвещением народа, стали самыми действенными формами миссии. Некогда такой формой миссии были общежительные монастыри, ставшие очагами просвещения и духовной культуры.

Удивительно, но с самого начала гонений, прямо с 1917-18 годов, в стране начался массовый духовный подъем, в Церковь пришло много образованных людей и молодежи, стали создаваться религиозно-философские кружки, разнообразные курсы, общины и братства миссионерского и просветительского характера. Сначала все они действовали открыто, потом ушли в подполье из-за репрессий со стороны безбожной власти.

Можно здесь назвать православное Александро-Невское братство в Петроградской епархии, трудовые братства епископа-катехизатора Макария (Опоцкого), общины о. Сергия Мечева и архим. Сергия (Савельева), общины о. Анатолия Жураковского, вятское братство верующих Бориса Талантова и др. Также нужно отметить, что временное возрождение массовой миссионерской работы произошло в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях, например, в Псковской Православной духовной миссии, история которой ещё мало известна в нашей Церкви.

К сожалению, мы пока ещё очень мало знаем об этих миссионерах, многие из которых стали исповедниками веры и мучениками – подлинными свидетелями Христа. Их подвижническая жизнь, наполненная трудом, молитвой, исповеданием веры,

может стать для наших детей и молодежи примером жизни, всецело посвященной служению Богу и людям.

Михаил: – Выше уже прозвучали вопросы о том, что задача воспитания миссионера должна пониматься не только в отношении детей, но и взрослых членов Церкви, и оглашаемых, и, в первую очередь, себя лично.

Исторически Православные Церкви уделяли недостаточное внимание делу миссии, но в том немало преуспели христиане других конфессий. Что доброго и полезного мы можем увидеть в опыте, касающемся подготовки миссионеров, у протестантов, католиков?

Н.А. Адаменко: – Дорогой Михаил, не могу согласиться с Вашим утверждением, что Православные Церкви исторически уделяли недостаточное внимание делу миссии. Просто история православной миссии в разных странах пока мало изучена. Даже такие прекрасные примеры внешней миссии нашей Церкви – Алтайская миссия во главе с архим. Макари-

ем (Глухаревым), миссия во главе со свт. Иннокентием (Вениаминовым) и деятельность Миссионерского общества, Японская миссия во главе со св. равноап. Николаем (Касаткиным) – до сих пор мало известны в нашей Церкви. Так что сначала нам необходимо хорошо изучить существующий православный опыт внутренней и внешней миссии, освоить его, причем не только опыт Русской Православной Церкви, но и других Православных Церквей, и тогда мы сможем сравнивать этот опыт с опытом инославных церквей. Доброго и полезного в их опыте действительно много, но если мы сами недостаточно укоренены в православной миссионерской и катехизической традиции, плохо знаем её, то мы и в инославном опыте не сможем разобраться. Тогда мы либо начнем копировать всё подряд, механически, вместе с ошибками и искажениями духа и смысла, либо будем вынуждены отвергать весь инославный миссионерский опыт, что тоже нехорошо.

**Сайт Преображенского содружества
малых православных братств.
Фото с сайта СФИ**